

Яков Кротов

**ПРОЛОГ
ЕВАНГЕЛИЯ
ОТ ИОАННА**

Яков Кротов

**«ПРОЛОГ»
ЕВАНГЕЛИЯ
ОТ ИОАННА**

**Перевод Ио 1:1-18, комментарии
к переводу, размышления**

Москва, 12 октября 2024 года

Сайт автора krotov.info

ПЕРЕВОД

¹ В начале — Слово. И Слово — к Богу. И Слово — Бог. ² Слово — в начале с Богом. ³ Через Него существует всё существующее, без Него не существует ничего. ⁴ В Нём то, из чего жизнь, и жизнь эта — свет людям. ⁵ Свет в темноте светит, и темнота не поглотила его. ⁶ Существовал человек, посланный Богом, имя ему Иоанн, ⁷ который пришел для свидетельства, свидетельствовать о Свете, чтобы все поверили через него. ⁸ Он был не Свет, но свидетель Света. ⁹ Был настоящий свет, который освещает всех людей, который пришел в мир, в мире был. ¹⁰ И мир через Него стал существовать. И мир Его не узнал. ¹¹ И мир, который произошел через Него, Его не узнал, к своим пришел, но свои Его не приняли. ¹² Принявших же Его Он побудил к рождению детьми Божьими. Верующими в имя Его, ¹³ рожденными не от крови, по воле не тела, по воле не человека, а Бога. ¹⁴ И Он, Слово, стал человеком, и поселился среди нас. И мы увидели славу Его, славу Единственного у Отца, полного благодати и истины. ¹⁵ Иоанн свидетельствовал о Нём и провозглашает, говоря: «О Нем я сказал, что Идущий после меня опередил меня, потому что был передо мною». ¹⁶ Откуда и мы все получили к благодати благодать. ¹⁷ Ведь закон через Моисея дан, благодать и истина через Иисуса Христа произошли. ¹⁸ Бога никто никогда не видел, — единственный Бог, находящийся в глубине Отца, описал Его.

ПЕРЕВОД БЕЗ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ НУМЕРАЦИИ, С РАЗБИВКОЙ ТЕКСТА НА ПАРНЫЕ СТРОКИ

В начале — Слово.
И Слово — к Богу.

И Слово — Бог.
Слово — в начале с Богом.

Через Него существует всё существующее,
Без Него не существует ничего.

В Нём то, из чего жизнь,
И жизнь эта - свет людям.

Свет в темноте светит,
И темнота не поглотила его.

Который пришел для свидетельства,
Свидетельствовать о Свете, чтобы все поверили через него.

Он был не Свет,
Но свидетель Света.

Был настоящий свет, который освещает всех людей,
Который пришел в мир, в мире был.

И мир через Него стал существовать.
И мир Его не узнал.

И мир, который произошел через Него, Его не узнал,
К своим пришел, но свои Его не приняли.

Принявших же Его
Он побудил к рождению детьми Божьими.

Верующими в имя Его,
Рожденными не от крови,

По воле не тела,
По воле не человека, а Бога.

И Он, Слово, стал человеком,
И поселился среди нас.

И мы увидели славу Его,
Славу Единственного у Отца,

Полного благодати
И истины.

Иоанн свидетельствовал о Нём
И провозглашает, говоря:

— О Нем я сказал, что Идущий после меня опередил меня,
Потому что был передо мною.

Откуда и мы все получили к благодати благодать.

Ведь закон через Моисея дан,
Благодать и истина через Иисуса Христа произошли.

Бога никто никогда не видел, —
Единственный Бог, находящийся в глубине Отца, описал Его.

**КОММЕНТАРИИ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРЕВОДЕ
И О ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИОАННА
В ЦЕЛОМ**

ОБ ЭТОМ ПЕРЕВОДЕ

Я читаю Евангелие многие десятилетия, один и вместе с другими верующими. За это время я познакомился со множеством переводом (в том числе, на английский язык) и с огорчением увидел, что ни один существующий русский перевод меня не устраивает. В каждой фразе даже самых лучших переводов я нахожу неточности. В конце концов, я решился предложить свой перевод.

Может быть, я выступаю не столько как переводчик, сколько как редактор уже имеющихся переводов. Различие не так уж велико. В отличие от профессиональных переводчиков, я недостаточно знаю древнегреческий язык, хотя все-таки я уже давно читаю Евангелие, постоянно сверяясь с греческим оригиналом.

Я убежден, что хороший переводчик не тот, кто хорошо знает язык, с которого переводит, но тот, кто хорошо знает язык, на который переводит. Это ведь только кажется, что легко говорить на родном языке. Большинство людей – носители родного языка, некоторые родным языком «владеют», но языком-то нужно не владеть, не носить его словно орден или рюкзак, язык это средство общения. Поэтому язык всё время развивается, ведь кто-то умирает, кто-то рождается, значит, меняется состав тех, кто общается на том или ином языке. Поэтому переводить – да и просто говорить – означает всё время откликаться на то, как общаются люди сейчас и здесь.

Мои заметки не носят характера учебника. Это заметки прежде всего для себя и для тех, кто захочет их почитать. Не «будет обязан их изучить», а вот захочет и почитает. Поэтому я не старался писать коротко. В сущности, это идеал переводчика: не просто предьявить перевод, а объяснить, почему переведено так, а не иначе.

В то же время я переводил, потому что для меня Евангелие это часть Откровения Божьего. Через человеческие слова говорит и Бог, и я верую, что Евангелие, хотя и написано людьми со всеми вытекающими отсюда последствиями, и хорошими, и не очень, но помогает общению с Богом и через Бога – с собой и другими людьми. Поэтому я о каждой фразе («стихе», как принято называть фразы Евангелия) пишу и как о том, что от Бога пришло и к Богу ведет. Перевод не самоцель, цель к Богу идти, да не одному, а вместе с другими.

Значительная часть Евангелия от Иоанна написана «параллелизмами», своеобразными двуступенчатыми без рифм, где вторая половина фразы повторяет мысль первой, обычно с некоторым видоизменением. Это один из древнейших литературных приёмов, есть он и в Библии, особенно в книгах пророков и в псалмах. Такая форма позволяет лучше усваивать и запоминать текст. Надо помнить, что в древности мало кто умел читать, тексты писались прежде всего в расчете на декламацию: один читает вслух, другие слушают.

Обычные издания Евангелия разделяют текст на главы, каждое предложение пронумеровано. Это удобно для ученых, для богословов, но очень непривычно для обычного читателя. Изначально евангелия писались не для ученых, а именно для обычных слушателей. Поэтому я предпочитаю убирать номера глав и предложений («стихов», такое за ними установилось название в XIX веке). Однако, в конце книги я даю свой перевод и без цифр, и с цифрами, тем более, что сам при цитировании прибегаю к указанию на эти номера.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА: ОБМАНЧИВАЯ СЛОЖНОСТЬ

Есть выражение «обманчивая простота», но бывает и обманчивая сложность.

Евангелия Матфея, Марка и Луки кажутся очень похожими друг на друга и резко отличающимися от произведения Иоанна. Со II века начиная, сопоставляли тексты евангелий. Выходило так, что Марка, Матфея и Луку легко свести в единое повествование, у них многое повторяется, а Иоанн особняком. «Сводка» по-гречески «синопсис». Метеорологи называются синоптиками, потому что изучают погоду, делая «сводки» различных наблюдений. «Синоптиками» называли и Марка с Матвеем и Лукой, и их евангелия—«синоптические», легко сводимые вместе, синхронизируемые. Иоанн—отдельный разговор.

Это поверхностный, механический подход к анализу.

На самом деле, даже наоборот: именно евангелие от Иоанна легче соединить с евангелием от Марка. Просто Иоанн многое сократил, он меньше Матфея и Луки добавил. Впечатление, что Иоанн—исключе-

ние, возникает потому, что Иоанн добавил длинные речи, а не описание событий.

Марк начинает с описания встречи Иисуса с Иоанном Предтечей. Иоанн сохраняет это описание, опускает многие его детали, словно рассчитывает, что читатели эти детали отлично знают, зато пишет от себя размышление о самом смысле пришествия Христа. Размышление оказывается длиннее описания! Это размышление, начинающееся знаменитым «В начале было Слово», – первый длинный монолог у Иоанна, причем это монолог самого Иоанна. Авторский комментарий. Проповедь. Жанр очень личный и редкий, во всяком случае, в евангелиях. Вот в посланиях апостола Павла таких проповедей–размышлений очень много.

Затем Иоанн опускает рассказ об искушении в пустыне, но сохраняет рассказ о призвании рыбаков. После этого Иоанн опускает целых пять глав – а их у Марка всего-то 16-ть.

Затем Иоанн вставляет два уникальных рассказа о призвании Нафанаила и о браке в Кане и присоединяет к ним рассказ об изгнании торгующих из Храма, который у Марка в 11 главе, в самом конце повествования.

После этого Иоанн вставляет три больших речи. Первую, самую большую (370 слов), Иисус произносит в беседе с Никодимом (о рождении от Духа), вторая вложена в уста Иоанна Предтечи (140 слов), третью Иисус произносит, беседуя с самарской у колодца (87 слов).

Далее Иоанн опускает рассказы Марка об отправлении Двенадцати на проповедь и о гибели Предтечи, но сохраняет два важнейших эпизода Марка: умножение хлебов и хождение по водам. Почему эти эпизоды «важнейшие»? Потому что Марк строит свой текст как сравнение Иисуса с Моисеем – Моисей спасал от рабства у египтян, Иисус спасает от рабства у греха. Умножение хлебов, насыщение хлебом пяти тысяч человек – симметрично рассказу о манне небесной, которая спасла голодавших по молитве Моисея. Хождение по водам – симметрично прохождению евреев через воды Красного моря.

Современный читатель вообще не видит, что Марк последовательно сравнивает Иисуса с Моисеем, строит на этом композицию. Мы просто не знаем, к примеру, что Моисей начал с ухода в пустыню. Правда, Иоанн убрал рассказ о Преображении, где Моисей оказывается рядом с Иисусом, но зато речь Иисуса на Тайной вечери, последняя

и самая длинная, в структуре евангелия занимает то же место, что предсмертная речь Моисея в Торе. Сравнение Иисуса с Моисеем было очень естественным для первых учеников Христа, оно пронизывает и Послание к евреям, и Послание к римлянам (где Моисей назван «первый Моисей»–второй Моисей это Иисус), и Послание к коринфянам, где крещение («очищение»)–это прежде всего прохождение с Моисеем через море.

После этого Иоанн вставляет две большие речи. Они еще длиннее первых пяти. В 6 главе–речь Иисуса со словами о необходимости есть Его Тело и пить Его Кровь. Иисус–настоящая манна, спасающая не на время Исхода, а навсегда. В этой речи 640 слов, больше, чем в пяти предыдущих вместе взятых, но в следующей речи 1240 слов (вместе с репликами слушателей). В этой, седьмой речи Иисус говорит о Своем единстве с Богом и Своей грядущей смерти.

Затем Иоанн опускает сразу несколько эпизодов евангелия от Марка (в 6–8 главах), словно заботится о том, чтобы его текст не был намного длиннее. Но Иоанн сохраняет рассказ Марка об исцелении слепого–этот рассказ важный, он у Марка начинает рассказ о Страстной неделе. Исцеленный слепой может увидеть главное, и это главное не чудеса, а крест. Следует восьмая речь Иисуса–340 слов, о Христе как пастухе, который отдает жизнь за овец.

Далее Иоанн опять резко сокращает Марка, изымает главы 8–13. Пять глав! Если бы Иоанн не сократил текст Марка так радикально, то евангелие от Иоанна было бы длиннее евангелия от Марка не на треть, а в два раза.

Единственное, Иоанн из этих глав сохранил описание изгнание торгующих из Храма, но перенес его на другое место, в начало своего текста.

Затем Иоанн дает девятую речь Иисуса, чуть короче предыдущей, 220 слов, о том, что Он не виноват в богохульстве.

После этого Иоанн рассказывает о воскрешении Лазаря, и это воскрешение у Иоанна становится причиной заговора против Иисуса. В очень измененном виде Иоанн сохраняет повествование Марка о заговоре и о помазании миром.

К рассказу о входе в Иерусалим Иоанн присоединяет десятую речь Иисуса о суде над миром.

Эпизод с предательством Иуды Иоанна бережно сохраняет, после чего идет одиннадцатая речь Иисуса, 4 главы, 2200 слов. Одна эта речь длиннее всех предыдущих вместе взятых! Всё евангелие от Марка—10 тысяч слов.

Рассказ о распятии и воскресении Иоанн сохраняет достаточно близко к тексту Марка, хотя некоторые детали передает иначе.

При этом Иоанн ничего не говорит о самоубийстве Иуды—как и Марк ничего об этом не пишет, это событие описано лишь Матвеем и Лукой.

Можно предположить, что Иоанн располагал таким текстом евангелия от Марка, где не было эпизодов, отсутствующих у Иоанна. Но это ничего не меняет, да и предположения такие избыточны. Важно, что композицию Марка Иоанн сохраняет, в том числе, непропорционально подробный рассказ о Страстной Неделе—превосходная литературная находка Марка. Но вот десять дополнительных длинных монологов—это радикально меняет всё впечатление. Заметим, что это именно монологи, хотя формально некоторые из них даны как диалоги (с Никодимом, с самарянкой). Но реплики в этих «диалогах» носят очень пассивный характер, они только «разбавляют» монолог, делая его более легким для восприятия.

Длинные монологи в евангелии от Иоанна решительно мешают восприятию текста как жизнеописания. Иногда они вытесняют детали, как, например, в самой первой главе размышления о Слове вытеснили собственно описание крещения Иисуса. Совсем трудно ощутить сопоставление Христа с Моисеем. Но как бросить в Иоанна камень: монологи уж очень хороши!

Длина монологов нарастает. Первые 10—3500 слов в сумме, последняя, на Тайной вечери—2200 слов, всего 5700 слов из 14 тысяч слов евангелия от Иоанна.

ЧТО ТАКОЕ «ПРОЛОГ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА»

Первые 18 фраз евангелия от Иоанна называются «прологом» и получили в церковной традиции огромное значение. У православных их читают во время пасхального богослужения, причем сложился

обычай читать на разных языках. Одно предложение по-английски, другое на латыни и т.д. Текст волнует, он говорит о свободе и благодати, о слове как силе творящей, животворящей. «В начале было Слово» стало девизом даже для неверующих. Возможно, именно для неверующих этот мем важнее, чем для верующих, потому что они обычно не знают, что дальше говорится, что Бог—Слово.

Так эти слова—Божии или человеческие?

Вполне человеческие, автора этих слов беспокоит ровно то же, что беспокоит и в наши дни любого верующего человека: вера—это вера. Не очевидное знание. Всего лишь бездоказательная уверенность. Более того, вера в Иисуса лишена даже тех подпорок, которые помогают верить в Бога, потому что она противоречит вере в Бога Всемогущего, Бога—Законодателя, властителя. Иисус не всемогущ, и с законом у Иисуса сложные отношения, ведь Его казнят законные власти и казнят по закону. Иисус не отвергает нормы закона, но проповедует исполнение этих норм через доброту, самопожертвование, кротость. Понятно, почему Иисуса отвергают—«не принимают», говоря языком Пролога. А кто принял путь Иисуса (в ту эпоху не было слова «учения», говорили «путь»), оказывался словно в подвешенном состоянии. Как быть? создать «христианский закон»? Подкрепить веру какими-нибудь доказательствами, нормами, ответственностью? Тех же щей, да погуще влей?

Евангелист пишет для тех, кто в отчаянии, недоумении, сомнении, остро переживает зримое отсутствие Иисуса, невозможность жить по Его заповедям в мире лжи и насилия. Что делать? Ответ: родиться от Бога.

Ответ, который порождает новые вопросы и требует новых ответов. Ну, допустим, я родился от Бога. Дух Святой задышал во мне. А дальше?

Дальше—больше. Это и есть жизнь. Смерть, физическая жизнь—как вода в сливе ванной, закручивается в спираль и стекает. Жизнь от Бога—наоборот, Дух Святой как ураган, как воздух, который поднимает и втягивает в бесконечность. Иногда постепенно, иногда рывком, иногда незаметно, иногда очень даже заметным образом. Когда автор евангелия сочинял его первые строки, когда эти строки читают, это для кого-то подъем в небо, а для кого-то стихотворение в прозе, а может быть одновременно, понемножку и то, и то. «Боговдох-

новенность»—от слова «вдох», но нельзя же вдохнуть и не выдохнуть, и жизнь верующего это боговдохновенность плюс боговыдохновенность. А то физиологически, как сказал один сатирик, человек вдыхает кислород, а выдохнуть норовит всякую гадость.

Не принимает Бога не тот, кто отвергает Бога, а тот, кто Бога примет, а потом продолжит грешить, но уже «во имя Божие». Христа отвергали именно верующие люди и во имя Бога, в Которого веровали. Именно этому и противостоит евангелие от Иоанна, начиная с первых же строк. Мертвые духом, умирающие духом, да просто унывающие и теряющие веру должны и могут ожить.

ЕВАНГЕЛИСТ ИОАНН И ИОАНН ПРЕДТЕЧА

Евангелист Марк начал свою проповедь о Христе («евангелие» это проповедь о Христе и Его «пути», «царстве») с рассказа о Его крещении. Трое остальных евангелистов одинаково сочли нужным сделать какое-то предисловие к рассказу о крещении. Матфей поместил рассказ о предках Иисуса, Лука—рассказ о благовещении, Иоанн—то, что мы сейчас называем «пролог евангелия от Иоанна».

Что евангелисты поступили совершенно одинаково, трудно заметить потому, что Иоанн еще и очень изменил рассказ о крещении. Матфей и Лука воспроизвели текст Марка, Иоанн, очевидно, был убежден, что читатель уже с этим текстом знаком, и позволил себе многие детали опустить—включая собственно крещение и разговор Предтечи с Иисусом. Поэтому некоторые литературоведы даже предполагали, что Иоанн хотел затушевать роль Предтечи, что тут скрытая полемика с кем-то. Есть и более простое объяснение: хорошему писателю с яркой собственной концепцией скучно переписывать чей-то текст, механически его воспроизводить. Он создает «вариацию на тему». Например, современный поэт Борис Херсонский, православный, но поэт, описывает крещение Иисуса так:

Ты откуда, бабка, несешь свой бидон,
пуст или полон он?
Молоко ли, сметана ли там внутри,
не таись, говори!

Я, сынок, иду из церкви домой
с крещенской святой водой.
Сегодня на кухне откроешь кран—
оттуда течет Иордан.
Потому что Крещение свершилось уже—
море в виде и побеже!
А Иордан обратися вспять.
Отчего? Нелегко понять.
Это дело не бабушкиного ума.
Отчего? Не знаю сама.
Просто когда-то на Иордан
пришел пророк Иоанн.
А к Иоанну пришел сам Христос—
беден, раздет и бос.
Пришел и принял крещение раба—
видать, такая судьба
И голубь сидел у него на плече,
как огонек на свече».

Тут не стоит искать полемики с евангельским рассказом или с какими-то теологами. Тут—собственный взгляд, своё слово о едином Слове. Кстати, в привычном переводе Евангелия не вполне точно передан сложный оборот: Дух Святой сошел на Иисуса не в образе голубя, а со стремительностью голубя. Иногда голубь пролетает совсем рядом с лицом человека, тогда невозможно разглядеть птицу, зато ощущается мощный, даже пугающий порыв воздуха.

ПРОЛОГ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА—ХИАЗМ?

В композиции евангелия от Иоанна одним из главных приёмов является «хиазм». Хиазм был так назван древними греческими писателями, потому что его можно сравнить с буквой «Х», только с перекошенной буквой «Х», как ее писали древние греки, у которой одна вершина выше другой, а одна из ножек длиннее другой.

Примером хиазма является и человек, когда он пытается изобразить букву «х». На знаменитом рисунке Леонардо да Винчи («Человек по Витрувию») фигура стоит абсолютно симметрично. Но попробуй-

те долго постоять в такой позе! И никто не сможет–скособочимся. Поэтому хиазм–фигура, в которой симметрия скособочена. Если это изображение человека, то уставшего: одна нога подогнулась–например левая. И вот здесь симметрия обнаруживается не в правой ноге–она-то осталась прямой, а в левом плече: оно поднялось.

Человек похож, как ни смешно, на собственную хромосому–на «Х» хромосому, разумеется, не на игрек. И у биологов, изучающих хромосомы, термин «хиазм»–вполне научный.

Литературный хиазм не обязательно скособочен. Тут он, скорее, кольцо, чем перекрестье: начало рассказа перекликается с концом. Только в хиазме перекликаются не только начало и конец, но и две части середины (если хиазм из четырех частей; если шести, восьми и так далее–перекликаться будут все пары между собой).

Если сказать: «Сан-Франциско далеко, если ехать медленно, но если сесть на самолет, то Сан-Франциско близко»–это обычная круговая композиция. Если сказать, как Нина Артюхова: «Сан-Франциско далеко, если ехать низко. Если ехать высоко–Сан-Франциско близко»,–то это хиазм, гениально простой и завораживающий не только ребёнка.

«Quod sentimus loquamur, quod loquimur sentiamus»–«Говорить, как чувствуем, и жить, как говорим» (Сенека, письмо Луцилию, 75, 4).

Иоанн использует хиазмы очень часто в отдельных эпизодах. Например, брак в Кане: Иисус, Мария и ученики упоминаются в начале, потом в конце, и это была бы кольцевая композиция. Но еще внутри дважды упоминаются вино и служители–до и после рассказа о самом чуде. И это хиазм из пяти частей. Как человек: ручка–ручка, огурчик, ножка–ножка.

Евангелие от Иоанна построено как один большой хиазм из пяти разделов. Первый и пятый разделы посвящены свидетельству и ученичеству (1,19–4,3 и 12,12–21,25). Второй и четвёртый–положительным и негативным откликом на призыв к ученичеству (4,4–6,15 и 6,22–12,11). Осью является третий раздел, хождение Иисуса по морю, новый исход–6, 16–21.

Каждый раздел сам, словно матрёшка, содержит в себе хиазм–поменьше, но тоже из пяти частей.

Первый раздел: Свидетельство Иоанна о Христе–первое в 1, 19–51, симметричное в 3,22–4,3. Вода как символ духа–в Кане и в беседе

с Никодимом, 2,1–12 и 3, 1–21. Центр–2,13–25–о разрушении Храма и Тела Иисуса.

Второй раздел: рассказ о самарянке и колодце (4,4–6,15) симметричен умножению хлебов (6,1–15), прежде всего, щедростью: Иисус источник бесконечной и воды, и хлеба. Исповедание самарян симметрично исповеданию Иисуса себя как равного Отцу (4,39–45 и 5,1–47). Центр–4,46–52–вера не видящего язычника-царедворца.

Третий раздел–осевой–состоит из одного-единственного эпизода.

Четвёртый раздел (порядок эпизодов меняется зеркально!): рассказ о Марфе и Марии симметричен беседе перед Пасхой о хлебе как Евхаристии (10,40–12:11 и 6,22–72). Слова Иисуса о Себе и своих овцах симметричен Его заявлению о Себе как равном Отцу при исцелении расслабленного (7,1–8,58), центром оказывается 9,1–10:21–отказ фарисеев видеть и слышать.

Пятый раздел: беседа на Тивериадском озере и свидетельство Фомы об Иисусе симметричны входу в Иерусалим и свидетельству народа об Иисусе (20,19–21,25 и 12,12–50). Рассказ о встрече воскресшего Иисуса с Марией (20,1–18) симметричен ночной беседе на Тайной Вечери о вечной жизни (главы 13–17), центром является повествование о Страстях (главы 18–19).

Сила такого разделения в том, что оно помогает понять, почему некоторые рассказы Иоанна стоят явно не на своём месте–если считать, что Иоанн ведёт рассказ хронологически. Не на месте рассказ об изгнании торгующих из храма, который попал в начало (2,13–25), потому что он симметричен рассказу о страстях и разрушении Тела Иисуса. Не на месте рассказ о воскрешении Лазаря, потому что он симметричен обетованию о хлебе жизни (6,32–58).

Иоанна как писателя можно сравнить с теми виртуозами, которые создавали «венки сонетов», где перекликались и отдельные строки, и целые сонеты. Ведь симметричны не только пять частей и не только составные элементы этих частей. Каждый составной элемент перекликается с элементом из другой части, занимающим в другом хиазме такое же место.

В 1 и 5 разделах перекликаются первые части хиазма: первое пришествие Иисуса к Иоанну–с беседой о Его втором пришествии, пе-

рекликается даже такая деталь, как присутствие двух безымянных учеников и Нафанаила.

Перекликаются вторые части: брак в Кане и беседа с Марией—со встречей воскресшего Иисуса с Марией, где используется язык свадебных гимнов Песни Песней, вода превращается в вино, как смерть—в жизнь.

Ось первого раздела симметрична оси пятого: слова о разрушении Храма—Тела Иисуса—с рассказом о реальном Его распятии.

Симметричны четвёртые части: ночной разговор с Никодимом и ночная беседа с учениками на Тайной Вечере, образы жизни вечной, ученичества, воды и Духа.

Симметричны заключительные части 1 и 5 разделов: второе свидетельство Предтечи о Христе перекликается со свидетельством о Христе народа во время входа в Иерусалим.

Во 2 и 4 разделах первые части—беседа с самарянкой и беседа с Марфой и Марией—объединены темой мессиянства Иисуса.

Идея спасения через Иисуса объединяет рассказ об исповедании самарян и проповедь Иисуса об овцах.

Ось второго раздела перекликается с осью четвёртого: язычник не видит, но верует, а фарисеи отказываются и видеть, и верить.

Четвёртые части: во втором разделе это исцеление расслабленного и явление Иисуса о своём равенстве с Отцом, в четвертом—Иисус упоминает исцеление расслабленного и заявление о Себе как о равном отцу.

Заключения: во втором разделе это рассказ об умножении хлебов перед Пасхой, в четвёртом—беседа перед Пасхой о хлебе как Евхаристии.

Сказать, что эту схему легко понять, невозможно. Её не видели в течение многих столетий. Спрашивается: современники Иоанна её видели? Ответим на вопрос вопросом: а те, кто наслаждается стихами Пушкина, обязаны видеть, видят ли технику рифмы, ритма, понимают всё то, что уже два века изучают литературоведы?

«Хиазм», на самом деле, отражает структуру нейрофизиологическую. Основной способ мышления—парами, противоположностями. Бинарные схемы очень экономны и мнемоничны. Поэтому хиазм, он же симметрия, возникает часто самопроизвольно. Если он «сам собой», придавать ему большого значения не нужно, но если он явно пе-

далируется автором, тогда это важно. Определить, имеем ли мы дело с симметрией непреднамеренной или нет, и есть дело исследователя.

Питер Эллис, подробно описавший концепцию хиазма как основного приёма Ио., считал центром Пролога стихи 12–13–об усыновлении людей Богу. Что стихи 1 и 18 перекликаются, замечали и раньше, но «рифмуются» и другие части текста: словам о том, что всё получает бытие через Христа в ст. 3–соответствуют слова ст. 17 о том, что через Христа стали благодать и истина. Стих 4 говорит о свете и истине–стих 17 о благодати и истине. О Предтече говорится в стихах 6–8 и в стихах 15–16. Стихи 9–11 говорят о тех, кто не принял Христа–стих 14 о тех, кто принял.

Тут термин «стих» приобретает своё буквальное значение–Иоанн строит прозаический текст как стихотворение, только рифмуются не звуки, а идеи. Вот как, если по логике Эллиса перетасовать синодальный перевод, выглядел бы тот же самый текст в сугубо «прозаическом» виде, выстроенный по логике последовательной, а не параллельной:

«¹ В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. ² Оно было в начале у Бога. ¹⁸ Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил. ³ Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. ⁴ В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. ¹⁷ ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. ⁵ И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

⁶ Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. ⁷ Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. ⁸ Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. ¹⁵ Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. ¹⁶ И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать.

⁹ Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. ^{10a} В мире был, и мир чрез Него начал быть.

^{14a} И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; ^{10b} и мир Его не познал. ¹¹ Пришёл к своим, и свои Его не приняли. ^{14b} и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.

¹² А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, ¹⁵ которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились».

Прав Эллис или нет? Добавляет ли его теория что-то к нашему пониманию евангелия от Иоанна в целом и первых 18 фраз в частности? В целом – да, безусловно. Насколько точно Эллис выявил хиазмы, это другой вопрос, но в целом он явно нащупал нечто важное, позволяющее понять некоторые странности текста как, к примеру, упоминания Нафанаила. Революционная ли эта теория, опровергает ли она какие-то догматы? Нет. На примере пролога это хорошо видно. Фразы идут в другом порядке, но смысл от этого не меняется.

С этим связано и слабое место в теории Эллиса. Сочинение Иоанна насыщено метафорами, аллюзиями, переключками. Оно редко о событиях, чаще об идеях. Тут человеческий мозг может находить сближения и связи там, где их вовсе не предполагал автор.

Как гений чистой красоты,
Как мимолетное виденье
Я помню чудное мгновенье
Передо мной явилась ты.

Текст не становится бессмысленным. В нем появляется новая мысль: Пушкин считал себя гением чистой красоты и мимолётным виденьем. Почему бы и нет? В каком-то смысле... Не физическом, конечно... Про мимолетность и виденье даже и несколько банально...

Помнить о таких способностях мышления нужно, знать теорию Эллиса полезно, а насколько удачно он ее применяет в разных случаях, надо обсуждать. Пролог, мне кажется, хиазмом не является: реконструкция Эллиса разрывает параллелизмы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Монументальным комментарием к евангелию от Иоанна по сей день остается двухтомный труд католика Раймонда Брауна: Brown, Raymond E. *The Gospel According to John*, издан в Нью-Йорке в 1966 году (в интернете доступен без платы). Доступен и двухтомный комментарий протестанта Крейга Кинера (Keener, Craig S. *The Gospel of John. A Commentary. 2 vols. Baker Academic, 2010*). Самый недавний труд: MacGregor, Kirk R. *A Historical and Theological Investigation of John's Gospel. Springer International: Palgrave Macmillan, 2020*.

На русском языке я могу рекомендовать только книгу еп. Кассиана Безобразова «Водою и кровию и духом», впервые опубликованную в Париже в 1958 году, в интернете доступна.

Особо следует упомянуть сайт <https://bible.by/>. На нем можно без труда сравнить различные переводы библейские текстов, включая часто упоминаемые мною работы Андрея Десницкого и Валентины Кузнецовой.

Мой сайт krotov.info. В случае расхождения текста в этом издании с текстами на сайте, окончательным является текст издания.

КОММЕНТАРИИ К ОТДЕЛЬНЫМ ФРАЗАМ

В НАЧАЛЕ – СЛОВО

«В начале – Слово.

И Слово – к Богу.

И Слово – Бог.

Слово – в начале с Богом.

Через Него существует всё существующее,

Без Него не существует ничего.

В Нём то, из чего жизнь,

И жизнь эта – свет людям» (Ио 1:1-4).

С точки зрения перевода, тут две большие проблемы. Во-первых, глаголы – то есть, время. Глагол «есть», который тут повторяется в каждой строке в разных формах, в основном, в прошедшем времени, в греческом языке мог означать очень разные состояния. От Златоуста, для которого греческий был родным, идет взгляд, согласно которому в первой же фразе «был» означает три разных состояния: существование, отношение и предвидение. «Слово было» соответствует многочисленным заявлениям Иисуса «Я есмь». «Слово было к Богу» означает отношение Слова к Богу, равное, ближайшее. «Слово было Бог» означает «Слово станет Богом».

Всё это достаточно сложно по-гречески, а по русски тем более, потому что в русском утрачены такие глагольные формы как перфект и аорист, обозначающие различные градации «было». При этом несомненно, что для автора и слушателей, к которым он обращался (текст воспринимался на слух), было несомненно, что речь идет о таком «было», которое одновременно и «есть». Русское «было» слишком ассоциируется с тем, что прошло. «Было, да сплыло».

Я бы предложил поэтому вместо этого «было» ставить тире. Многозначное, но вполне понятное.

Вторая большая проблема. «Слово» по-гречески мужского рода. «Логос» – это Иисус. Использование среднего рода крайне нежелательно. Эта нередкая проблема – например, Иерусалим и Рим, вообще же города, в языках евреев и итальянцев женского рода, и это важно

(из чего можно выйти, добавляя к названию города «столица»). На этом построены многие метафоры (столица как блудница или невеста, добыча, вдова). «Слово было» – это ужасно, это разрыв с «Он, Иисус». Это еще один аргумент в пользу нейтрального тире. А во второй фразе можно воспользоваться тем, что в русском языке у слова среднего рода винительный падеж совпадает с падежом слов мужского рода. «Через Него» – Через Слово, через Иисуса.

Есть ещё маленькая проблема: «В начале» не имеет отношения к «в начале», с которого начинается книга Бытия. Тут не идет речь о творении, тут речь о спасении. Некоторые переводчики ставят «изначально», можно поставить «сперва», но ведь это проблема не только русского, но и греческого текста. Проблема небольшая, вполне достаточно сделать примечание. В конце концов, некоторая многозначность не вредит тексту, как аромат не вредит яблокам.

ИИСУС КАК СЛОВО БОЖИЕ

Начало Евангелия от Иоанна напоминает начало книги Бытия. Одно «в начале» не противоречит другому. Просто Бытие описывает то, что было достаточно для спасения до Христа – что мир сотворен единым Богом, а Ио описывает то, что есть смысл спасения: истинное начало есть не момент творения, а момент Бога. Преодоление антропоцентризма: перестаньте спрашивать, что было в начале мира, откуда он взялся, и спросите по-детски, что такое начало Бога. Оно – в рождении Сына, исхождении Духа.

«Слово было от Бога, и Слово было Бог», – всё-таки прежде всего загадка о Спасителе, а не философский трактат. Это и загадка о человеческом слове (в конце концов, у Бога слова нет, это всего лишь сравнение, антропоморфизм).

Когда мы произносим слово, мы иногда освобождаем это слово, томившееся внутри нас. Иногда мы освобождаем себя от этого слова – оно сказано, мы можем заняться другими делами и словами. Наконец, нынешнее «молчание Бога» – это молчание Слова? Молчание Того, Кто сказал и второй раз повторять не намерен, во всяком случае, в ближайшее время? Во всяком случае, человек всегда знает о себе,

что он не равен своему слову. Иногда больше, иногда меньше, но равенства здесь нет, а Иисус – Слово Божие, равное Богу до тождественности, до сущности. Этим Иисус отличается от Библии – Слова Божия, Богу отнюдь не равного. Поэтому можно не знать Библии, но знать Христа, не знать Откровения, но знать Того, через Кого открылось.

Вера не облегчает, а осложняет, ведь вера приходит помимо нашего усилия, благодатью. После восемнадцати веков богословствования всё яснее, что Бог не в словах, а в Слове, и именно поэтому опасно по словам судить веру человека. А другого способа нет – значит, надо просто не судить. Кстати, это очень легко, потому что с какой, собственности, стати человек вдруг начинает судить? Ему дана власть? Иногда ему кажется, что дана власть, но это уже клинический случай. Но, даже если власть дана, – не бери её или не используй её. Это и есть молчание – неосуждение. Слово Божие пришло не судить, а спасти мир. Слова людей не должны ни судить, ни спасать. Они могут просто отдыхать. или выражать любовь, не более (гм!) того.

Между определённой и неопределённой есть и среднее «состояние мира». Есть холод практический, который вот сейчас щиплет уши, есть холод теоретический, о котором рассуждают синоптики, и есть холодность, которая ни за что ни щиплет, которую нельзя подсчитать, но которая совершенно реальное качество души. В любом языке есть средства различить эти три «состояния мира». Русский язык напирает на суффиксы и всякие дополнительные прилагательные и частицы («ну и холодрыга!» – «холодность» – «некий холод»), греческий язык на артикли и на инверсию, то есть, на место слова во фразе. Если слово без артикля – оно обозначает неопределённое нечто, когда стоит после глагола, и оно же обозначает некое вполне определённое качество, если стоит перед глаголом.

На практике это означает, что окончание первой фразы Евангелия от Иоанна может означать, как утверждают Свидетели Иеговы, что Слово было неким божеством, или что Слово и было единым и единственным Богом (как это, к сожалению, звучит и в синодальном переводе), или что Слово было по своей сущности тем же самым, что и Бог.

В первом случае слово «Бог» надо было бы поставить без определённого артикля после глагола «быть», во втором надо было бы написать слово «Бог» с определённым артиклем, в третьем – без определённого артикля и перед глаголом быть. Первое – учения Ария

(и иеговистов), второе – учение монархиан о тождественности Отца и Сына, третье – ортодоксия.

В греческом оригинале – третий вариант. Иисус был Богом по сущности, но Он – не Отец, Он – «одно с Отцом». Может быть, человеку легче понять это на примере стиха 14 в этой же главе, где точно так же – без артикля, перед глаголом – поставлено слово «плоть»: Иисус стал не конкретной плотью, потеряв Своё отличие как Бога, Он стал не вообще плотью, – Он воплотился. Он одно с людьми, как одно с Отцом. Это может быть неверно, это может быть верно, но автор четвёртого Евангелия разделял именно эту точку зрения, её не три века спустя выдумали.

Единственный аналог в человеческом опыте – семья: сын не есть отец, но сын такой же мужчина, как и отец. Когда сын женится, он не становится женщиной, но он теперь уже «одна плоть» с женщиной. Почему Церковь и называют Невестой Христовой. Церковь сейчас – невеста Христа, чтобы человечество стало в вечности женой Христа, Церковью. Это – хиазм.

Из-за проблем с воспитанием многие люди стесняются даже словосочетания «жена Христа». Они застенчиво говорят «супруга Христова». Такая стеснительность обычно предвещает изрядную агрессию в адрес как посторонних, так и близких, и даже самого себя. Викторянцы создавали империи, пороли детей, били жён и ходили к проституткам, чтобы те пороли их самих. Русское христианство (прежде всего, православие, но не только оно) остаётся именно викторианским. Многие его за это любят, в том числе иностранцы. С Запада едут в Россию за средневековым христианством, как с Запада едут в Малайзию за теми секс-услугами, которые на самом Западе категорически запрещены. Но никто не запрещает малазийцам и малазийкам просто любить – так даже и в России ничто внешнее не может помешать человеку быть со Христом и стать в сущности Богом, как Христос стал в сущности человеком.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИИСУС КРОЕТСЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В XIX веке у историков появилось выражение «поиск исторического Иисуса». В XX столетии стали искать «еврейского Иисуса». «Исторический Иисус» означало «настоящий, а не евангельский, Иисус». То же стремление установить, каким был Иисус «на самом деле», побуждает пристально изучать иудаизм и иудеев.

Пристальное изучение иудаизма привело к легко предсказуемому результату: стали говорить об «иудаизмах».

Так «ислам» с точки зрения человека, который никогда с мусульманами не сталкивался, кажется единым явлением. Но стоит через телескоп посмотреть на «исламский мир», «исламскую цивилизацию», окажется, что таких нет. Есть «миры», очень разнообразные, часто враждующие между собой.

Так Луна казалась когда-то белым гладким шаром, а посмотрели в телескоп и увидели горы, кратеры, долины.

Евреи и в наше время очень разные, а во времена Христа были еще более разнообразными.

Стремление установить «иудейский контекст» жизни Иисуса очень разумно, если речь о том, чтобы устранить позднейшие, «христианские» представления о древней истории Израиля. Но как «христианские» представления о Христе очень разнообразны, так и «иудейский контекст» был очень разный.

В конце концов, единицей измерения является всегда и только личность. Лев Толстой был ближе к Ганди, чем к Николаю Романову.

Контекст полностью определяет лишь безличную личность. Зрелая личность использует контекст, она крупнее контекста, сама создает свой контекст.

Незнание контекста может привести к ошибкам в понимании текста. А может и не привести. Во-первых, человек, даже и не ученый, владеет искусством подправлять ошибки собственного восприятия. Во-вторых, у общения есть огромный запас прочности. Отдельные ошибки восприятия вовсе не обязательно делают понимание невозможным.

Национальное – лишь одно из измерений человека. Есть еще измерение возраста, пола, гендера, воспитания, жизненного опыта,

принципов или беспринципности. Все их нужно учитывать, но не надо надеяться, что это изучение поможет понять человека. Даже незнание всех деталей может не помешать пониманию другого. Помочь тоже не поможет, конечно. Любовь – поможет, ненависть – точно помешает.

Все окружавшие Иисуса люди жили с Ним в одном контексте, прекрасно понимали этот контекст. А Иисуса понимали не все, и никто не понимал Его вполне. Иуда сперва вроде бы понимал, а потом разочаровался. Но разочарование может быть результатом не того, что человек понял другого на сто процентов, прозрел (и предал). Разные бывают причины у разочарования. Да и понимание может вести к ненависти, смотря что именно понято. Важна ведь не только личность Иисуса, но и личность того, кто знакомится с Иисусом. Каин убил Авеля не потому, что не понимал контекста жизни Авеля. Один у них был контекст. Но всякое убийство – это победа непонимания.

Личность важнее контекста, но личность – часть человечества. Человечество – это биологическая реальность, люди – биологический вид. Сама по себе принадлежность к одному виду не гарантирует понимания. Не гарантирует, но очень ему помогает, если есть желание. Желание может быть и дурным: понять, чтобы обокрасть, обмануть, обратить в рабство. Это уже не проблема понимания, это проблема цели. Для чего понимать.

«Нам понимание дается,
Как нам дается благодать».

Эти милые слова почти Тютчева были (у Тютчева) всего лишь извинением за недостаточную внимательность. Понимание иногда дается как благодать, но часто понимание дается как полет на Луну, и хорошо, если это полет для исследования, знакомства, сотворчества, а не полет для бомбежки и истребления.

А теперь тоже самое другими словами. Для лучшего понимания.

Был ли Христос мессией, машиахом, сыном Божиим в исключительном смысле слова, творец ли он мира, бог ли он?

Христианин не должен бы задавать таких вопросов. Еврей не должен бы задавать таких вопросов. Человек не должен задавать таких вопросов. Апостол Павел не задавал таких вопросов. Точнее, он их задавал, пока не стал апостолом Павлом. Апостолом он стал, когда увидел. Увидел человека, истекающего кровью, но живого и неуми-

рающего. Апостол Павел не обратился от этого в христианство, это Христос к нему обратился. А всякие последующие послания апостола Павла, тексты-мексты, рассуждения-сравнения, это так... пена на волне. Сравнения Иисуса с Моисеем, с сыном человеческим, с машиахом – всего лишь сравнения типа «Маша, ты прям Мэрилин Монро!» Маша добрая, она молчит, когда Ваня увлеченно сличает ее с киноактрисами, она понимает – это пройдет. Так Матфей в своем евангелии сличает Иисуса со всякими там пророчествами. У Матфея, хочется верить, прошло, но у скольких же не только не прошло, но сожрало веру, которая была, была... Вера была, да сплыла, осталась теология. Была еда, осталась кулинария. Ну и человек, истекающий кровью, но не умирающий и ждущий, когда же ты ответишь, тоже остался, остался...

ЧТО ВАЖНЕЕ: БЫТЬ ПЕРВЫМ ИЛИ БЫТЬ БЕСКОНЕЧНЫМ?

«И Слово – Бог.

Слово – в начале с Богом». (Ио 1:2)

Полезешь за комментариями и найдёшь, к примеру: «Этот стих означает: «Божественное Слово вечно (до и вне творения) пребывает в живом и личном отношении с Богом-Отцом». Без поллитры не разберёшь! Что такое «мёртвое и безличное отношение с Богом Отцом»? Это у ханжей? У богословов? У кадила? У церковного устава? У патриаршего автомобиля? Непонятно. «Было в начале у Бога» – понятно. У Лопухина немногим лучше: «Он в начале, т.е. прежде всякого времени или, иначе, вечно стоял в отношении к Отцу как совершенно самостоятельная личность, ничем по природе не отличающаяся от Бога Отца». Вообще-то толкование, объяснение должно быть проще того, что объясняется, разве не так?

Евангелие от Иоанна, может, и очень сложный текст, но оно точно проще толкований к Евангелию от Иоанна и, что намного важнее, оно проще Иисуса. Иисус кажется простым, потому что каждый человек кажется простым. В сравнении с той сложностью, которую я вижу в себе (и не вижу в других). Вера начинается с опознания той же сложности в Иисусе. Тут связь веры с любовью, потому что и любовь видит

в любимом сложность – ясную, понятную, но бездонную сложность. Ненависть же видит лишь корку. Поэтому богословие так часто оказывалась служанкой ненависти – богословие создаёт корку из слов, создаёт с лучшими намерениями (чтобы не растеклось), но всё же корка есть корка. Слово у Бога – начало, у богослова – конец.

Есть ли разница между этой фразой и предыдущей или эта фраза лишь реферат первого стиха? Кажется, не только реферат. Только это не столько о Слове, сколько о начале. «Начало» – не что-то отдельное, «начало» – у Бога. Нужно ли это говорить? Ещё бы! Слишком легко для человека считать началом – себя. Иисус – мой Иисус. Слово – моё слово. «Взять крест» – может быть, начинается с признания того, что начало – у Бога, и путь к Богу есть возвращение к началу, признание того, что мы – охвостье, тупиковая ветвь, и все наши начала – лишь растрепленные хвосты... Ну его, желание быть в начале, важнее не кончатся. Хорошо смеется тот, кто смеется там, где нет последних, где все первые, кроме Первого, ставшего Последним.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ ОТВЕЧАНИЯ

**«Через Него существует всё существующее,
Без Него не существует ничего» (Ио 1:3).**

Слово отличает человека от обезьяны, но ещё больше – от Бога. При этом человек знает, что слово – лучшая метафора для Бога. Конечно, не во всех религиях это так, как в христианстве, где не просто «Бог изрёк слово», а «Слово Божие есть Бог», «Иисус есть Слово Божие и Бог». Но любая религия начинается там, где начинается вслушивание в Бога. Атеизм – где вслушивание в Бога рассматривается как сумасшествие. Атеист отождествляет тишину с молчанием, агностик не уверен, что молчание сильно отличается от слова.

Заклинания, приказания, да просто болтовня, – всё это богоборчество, попытка не быть собой («Быть Богом» – это всего лишь иное обозначение «не быть собою»). Мало человеку, что у него есть дар слова, ему нужно, чтобы слово не было даром, а было им самим, рождалось изнутри, а не приходило извне. Слово как дар условно, а человек сто-

ит перед соблазном безусловности: «сказал – и исполняется». Скажу «золото» и появится золото. «Встань!» – и встанет. Более того – человеку хочется, чтобы всё, что есть, было благодаря его слову. Что не назову, того и нет, да не будет, пусть исчезает. Вечный соблазн учёного – спутать описание с созданием.

Богоборчество есть словоборчество. Я сказал, что Бога нет, значит Бога нет. А я есть, я есть! Я сказал про ближнего – «он подлец», значит, он подлец, а я хороший. И так повнушительнее, грудным гласом: «Молчать, я сказал!!!»

Чтобы украсть, человек вольно или невольно обязательно сконструирует какую-то словесную конструкцию в своё оправдание. То же с любым грехом, только некоторые грехи оформляются в слова до совершения, а некоторые (как прелюбодеяние) после. Впрочем, поскольку грехи тянутся из тьмы жизни, проследить исток не всегда возможно, но увидеть словесную упаковку греха можно всегда. Человек претендует творить словом из ничего – и в результате творит ничего, творит безобразия, дыру.

Не можем мы смириться с тем, что мир существует помимо наших слов. Нам это кажется неправильным. Это и есть неправильно, только выход не в том, чтобы перехватить Божьи функции на себя, произносить роль, которая принадлежит одному Богу: «Быть! Быть! Быть!» Не произносит Бог никакого монолога. Бог произносит Христа. Слово Божие – живое и Жизнь. Оно звучит не по-приказному, оно подразумевает не покорное молчание, а ответ, более того – отвечание. Не «ответственность», а отвечание. Ответственность Бог всю принимает на Себя, от человека – именно от одного человека из всего творения – ждёт отклика, бесконечного общения, взаимного и тёплого, включающего весь мир, всё явления в тему беседы. Грех в том, чтобы уйти в молчанку, сосредоточиться на том, чтобы быть началом. Ну представим Богу быть Богом, быть началом, у которого нет начала – тогда и мы будем теми, кто мы есть – интереснейшим продолжением, которому нет конца.

ЖИЗНЬ ИЛИ БИОС?

**«В Нём то, из чего жизнь,
И жизнь эта – свет людям» (Ио 1:4).**

Златоуст саркастически задаёт вопрос: жизнь, которой прославились Содом и Гоморра – это жизнь? Это понять нетрудно – порок не жизнь, а умирание. Однако, Златоуст задаёт вопрос: «Дерево – жизнь? камень – жизнь? эти бездушные и неподвижные предметы – жизнь?» Камень, допустим, неживой предмет, но дерево-то разве неживое? Златоуст и за человеком отрицает ту жизнь, о которой идёт речь в этой фразе: «да и человек [разве] – жизнь совершенная? Кто это скажет? Человек – не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни». На греческом «самобытная жизнь» шикарно – «автозоэ», «автожизнь»... У Бога – автожизнь, человек же лишь пассажир в этой автожизни...

Карл Кереньи книгу о культе Диониса начал именно с эссе о различии для греков понятий «зоэ» и «биос»: «С точки зрения греков, современную биологию следовало бы назвать скорее «зоологией». «Зоэ» – «жизнь, лишённая каких-либо характеристик». В этой фразе употреблено слово «зоэ», не «биос». «Биос» – это конкретная форма «зоэ». Вот просто человек лежит на солнышке и греется – это «зоэ», а если человек трус и бежит от опасности – у него биос зайца (Кереньи даёт пример из Демосфена).

В Евангелии от Иоанна всюду – зоэ, и «жизнь вечная» – «зоэ» (то есть, это вовсе не моё личное бесконечное существование, а Божий контекст моей жизни), а вот когда Иисус говорит о том, что добрый пастырь отдаёт свою жизнь за овец – с акцентом на «свою», тут – нет, не биос, а «психэ», «душа». Но не «зоэ». Кстати, «физис» – это жизнь у растения, а если характеризовали жизнь человека как «растительное существование», то говорили опять же «биос». Так что градаций было много, и любому человеку эти градации достаточно понятны, потому что любой человек на своём опыте знает, как разнообразна его «жизнь» – в том числе, чувствует иногда человек, что его жизнь – именно как его уникальная в своей человечности жизнь – лишь отражение, эхо какой-то высшей жизни.

Да, я дышу – но воздух, которым я дышу, это не я. Мои глаза видят – но свет, позволяющий видеть, не мои глаза придумали. То неосознаваемое и невыразимое, что есть человеческое во мне – способность к смыслу, к любви, к слову – тоже возможны лишь благодаря тому, что в моём зоологическом и биологическом существовании нечто есть эхо Жизни, Слова и Смысла бесконечной более высоких, чем бытие целого космоса.

НЕОХВАТНЫЙ БОГ

**«И свет в темноте светит,
И темнота не охватила его» (Ио 1:5)**

Все русские переводы сохраняют архаичное «тьма». Но вот в Ио 6:17 говорится о плавании через Галилейское озеро, и там невозможно ведь сказать «настала тьма». Просто «стало темно».

«Объяла» тоже архаично, и тут вариантов перевода много: поглотить, одолеть, победить. Но «объяла» было бы неплохо, если бы не было архаично, потому что в греческом именно образ схватывания. И как по-русски можно сказать «этот ученик всё схватывает на лету» в смысле «понимает», так и по-гречески. Двусмысленное слово, оно может означать и арест (стражники схватили Иисуса). Так этим словечко и хорошо! Не поняли, ни ухватились за Иисуса, а схватили Христа.

Нужно помнить, что назойливое «и» вполне может иногда означать «а», но может означать и «потому что». Свет светит в темноте, потому что темнота не загасила его.

А еще греческий глагол стоит в аористе, а аорист может быть – говорит Браун – не только обычным, но и комплексным (означает серию действий, «схватывали»), гномическим («тьма всегда пытается схватить свет»).

Отдельно стоит упомянуть предположение, что тут был арамейский каламбур: «тьма» – «кабла», «схватить» – «кабле». Другой вариант: «кабле» это описка, в первоначально было «акбел», «затемнять», «гасить».

Богослов Павел Евдокимов (1901–1970) отмечал различие между православием и католичеством: Ориген подчеркивал, что тьма не может победить свет, и этот акцент закрепился в православной традиции, а католики перевели «тьма его не приняла». Различие существенное: победа – это одно государство завоюет другое, принятие – это то же самое государство добровольно подчинится другому. Важнее, впрочем, что света меньше тьмы. Намного меньше. Но – мал золотник, да дорог. Размер имеет значение – и надо быть малы-ми, чтобы победить тьму, потому что тьма это состояние, когда мнят себя большими. Пока я считаю себя великим полководцем, я проигрываю злу. А маленьким – я уступаю пространство для Бога-Света...

Может быть, важнее сходство фразы с 10 и 11 стихами: мир не познал Иисуса, свои не приняли Иисуса. Выстроены фразы одинаково, но смысл противоположен, потому что ни мир («космос»), ни, тем более, «свои» – это вовсе не «темнота», очевидно дурное явление.

Но самое важное – переключка фразы с Ио 12:35:

«Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет».

Это было сказано не последователям, а сомневающимся, и за этим следуют слова Иисуса о Слове, которое дал Ему Отец и которое будет судить людей «в последний день» (Ио 12:48).

Но разве Иисус и Слово – не одно и то же? Для нас – да, для Иисуса... Конечно, одно, и судить будет Он, а образ Слова словно личности, судьи – это попытка разбудить человека. Не надо ждать пришествия Христа во славе. Заповедь «люби в Боге» – вот Слово, и если любить так, то видишь мир иначе, по-настоящему, и идешь по жизни иначе.

В ОБЪЯТИЯХ СЕРОСТИ

Трудно искать чёрную кошку в тёмной комнате. Мяуканье слышно, но схватить за мяу не получится.

Хуже только повторять «свет во тьме светит», призывать посмотреть на этот свет, а когда кто-нибудь заинте-ресуется и спросит, где именно свет, начать объяснять: ой, сейчас как раз у нас такой момент,

такой момент... Финансовый скандал... Духовенство всё ушло на фронт, вдохновлять на стрелять... Но вы присмотритесь, вон, в окопе, сразу за снаряжными ящиками, видите, что-то подрагивает? Это вот оно, духовенство, а значит, и свет тоже там. Вы не смущайтесь, заходите, у нас тут тьма, в которой светит первосортный свет. Ничего не видно, да, но это временное такое явление, все на епархиальном соборе, обсуждают, можно ли доверить женщинам ввинчивание лампочек... Зато вот у нас Библия, Слово Божие, давайте поизучаем! Библию можно и во тьме изучать, я вам всё, что нужно, нацитирую, а чего не нужно, зачем оно вам нужно?

Видите, лампада? Правда, красивая? – Да, но она же не светит, а свет где? – Вы подождите, никак спички не найдём...

Видите, светonosный старец? – Старца вижу, носилки вижу, света не вижу. – Вы подождите, сейчас он закончит про Святую Русь, Камерухранения Верыправославной, и засветится... Вы ж не хотите ослепнуть от яркого света? Давайте сперва привыкните к серости...

Серость! Мы накрыли Бога даже не горшком, а каким-то чудовищным фильтром, который не пропускает Бога в реальность, и предлагаем считать это нормой. Потому что Если без фильтра, то Свет может так засветить, что все наши традиционные ценности, наше умиление, наше смирение разлетятся, откуда прилетели – к ч...ртовой матери.

Тьма не может задавить свет, а серость, трусость, ханжество, коллективизм – могут. Так обставим свет ширмами с нарисованными лампадами, что на бумаге всё будет отлично. И слепым пастырям будет удобно, потому что зачем видеть, если вокруг темнота? В темноте и слепой – поводырь! Нечего глазеть, щупать надо! Нашупал пушку? Давай, стреляй, сразу светло станет! Положишь жизнь за ближних своих! Да не свою жизнь клади, дурак, она казённая, ты вон того уложи, на кого я тебе показываю.

Тьма не объяла свет, но тьма имитирует свет, подменяет свет, выдаёт за свет разные оттенки серости.

Но разве Бог сказал, что свет светит во тьме так, что тьма отступает? Свет просто светит, как светил Иоанн Предтеча, как светил Господь Иисус, как светит Дух Святой – не огненными языками, не неведомыми языками, а языком разума, мира и любви. Не принудительного мира, не насилующей любви, не беспрекословного по-

велевающего разума, а разумом, готовым слушать, миром, готовым уступать, любовью, готовой умирать, предоставляя Богу побеждать и воскрешать.

Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО...

**«Существовал человек, посланный Богом,
Имя ему Иоанн» (Ио 1:6).**

Синодальный перевод: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн».

Другие переводы используют то же «был». Еп. Каспиан Безобразов, однако, использовал «явился», и Десницкий это сохранил.

Проблема в том, что в греческом первое слово «эгенето» – от корня «ген» («генетика», «генезис»). И это же слово в 3 стихе: «Все через Него эгенето». Иисус – не «эгенето», Он «эн архе», изначально. Иоанн – сотворен, Иисус – Творец. Бог не существует, Бог просто есть. Бог – источник существования.

«Существовал человек» не очень привычный оборот. «Существуют» в разговорном языке, скорее, явления и вещи. Правда, есть одно маленькое исключение, крохотный такой мемчик: «Я мыслю, следовательно, я существую». Евангелист бы сказал «я существую, следовательно, я сотворен».

Эмиль Буамар считал, что первоначально евангелие от Иоанна начиналось именно с этой фразы. Это бы соответствовало традиции. Например, рассказ о левите начинается в греческом переводе «И существовал» – «Кай эгенето» – и описывается отсутствие царя, а затем «Кай эгенето» – и существовал левит. История Самсона начинается «Кай эгенето» (Суд 13:2). На иврите стоит то же слово, что в Быт 1:2: «хаяв».

Вообще 6–9 стихи, повествование об Иоанне, считают разрывающим «пролог» текстом, прозаической вставкой. Вставки бывают, но текстолог должен сперва исчерпать все возможности объяснить текст, не прибегая к гипотезе вставок. Тут, на мой взгляд, возможности не исчерпаны. Переключка «эгенето» в 3 и 6 стихах указывает на смыс-

ловое и литературное единство. Фраза имеет размеренный характер, с избыточными оборотами. Можно было написать: «Существовал Иоанн, посланный Богом». Зачем отдельно тяжеловесное «имя ему»? Зачем вообще «человек»? Понятно, что не заяц. Здесь именно двустышие, вторая половина фразы повторяет первую с некоторыми изменениями. Величественно!

Есть тут и внутренняя логика. Сперва говорится о Христе, затем об Иоанне. Точно так же у Марка: сперва «начало евангелия Иисуса Христа, Сына Божия», затем о Предтече. Евангелист Иоанн лишь детализирует это построение.

А по сути... Чем общение с Богом отличается от общения с человеком, от общения с природой, с собой? Бог не говорит и не показывает. Бог сообщает нам существование. Когда я говорю, я выражаю, реализую свое существование. Я становлюсь реальнее. Когда Бог «говорит», Он не становится реальнее, не дает информацию или указания. Он дает существование. Кто сказал «не учите меня жить, лучше помогите материально»? Ну вот, Бог именно это и делает. Что уж материальнее существования!

Фраза построена как загадка. Почему бы не написать просто: Иоанн был по-слан от Бога? Потому что это рассчитано не на чтение одним человеком, а на диалог. «Был посланец от Бо-га». – «Да ну! Кто?» – «Иоанн». Или, точнее: «Угадай, как имя посланного от Бога человека?» – «Иоанн?» – «Ну да!» Евангелие от Иоанна считают «мистичнее» первых трех. Возможно, хотя может ли быть что мистичнее подставления щеки? Впрочем, если Мф. и Лк. сообщают заповедь о щеке, Ио. – только Ио.! – со-общает, что Иисуса ударили во время суда именно в щеку (18, 22). По щекам бьют и видят мистику там, где её нет (что не страшно, да только человек, ищущий мистику там, где её нет, не замечает мистики там, где она есть) – когда живут в одиночку, когда замыкаются, бегают от разговора, принимают диалог за монолог (и наоборот). Благая весть – не монолог, и особенно Евангелие от Иоанна насыщено диалогами – явными или, как в этом случае, тайными. Или, скажем скромнее, неявными.

ЧЕГО НЕ МОЖЕТ ДАЖЕ БОГ

**«Который пришел для свидетельства,
Свидетельствовать о Свете, чтобы все поверили через него»
(Ио 1:7).**

Странно, что и Браун, и Десницкий переводят «Он пришел как свидетель» – это устраняет переключку с тем же самым словом у 1 послании Иоанна (и не только). Именно «свидетельство», не «свидетель». Да, тавтология – так именно для того, чтобы вышел дистих.

Объявить третью образовавшую строчку вставкой невозможно уже потому, что тут переключка с третьим стихом: всё стало существовать через Иисуса. «Через него» – «ди ауто». Переключка и в то же время проведение твердого различия: через Иисуса всё создаётся, через Иоанна всё человечество обретает веру. Тут речь именно о человечестве – «панта» это не все мужчины, не все современники Иоанна, а просто все люди.

«Все» – это и автор этих строк, и кто угодно. Кто верует, тот верует благодаря Иоанну. Идея, что тут Иоанн принижается, много сообщает об авторах идеи, которым всюду чудится конкуренция за первое место. Бог создал, Иоанн возвращает создания к Богу. Куда выше?!

Иисус и Иоанн противостоят друг другу, но не соревнуются друг с другом. Иисус рядом с Иоанном неудачник, отверженный, Его – не приняли. Иоанн же – принят, «все уверовали через него». Ни о ком не говорится ни в Евангелии от Иоанна, ни в других, что «имярек уверовал благодаря Иисусу». Но это нисколько не унижает Спасителя. Иисус – свет, а не звук. Вот почему Иисус спокойно принимает от Иоанна очищение – Он не проповедует (если бы Его поступок был примером, это был бы абсурдный пример), Он светит, наполняя собой древний обряд. Звук зовёт к себе, а свет, напротив, снисходит к другим. Звук без отзвука – не звук, но свет без отсвета – не менее, а более свет.

Слово не существует помимо произносящего слово. Может Бог войти в душу человека напрямую, без слов, молча, без Торы, без Евангелия, без проповедников? А как же! Может, но не пользуется этой возможностью. Бог предпочитает рискнуть, но говорить с людьми словами, через людей. Будут ошибки, будет илолопокклонство, извращения, манипуляция. Но не будет превращения Бога в игрушку эгоизма,

в леденец за щекой. Лучше пусть Слово Божие будет гвоздём, осколком стекла, чем леденцом, который рано или поздно растворяется. Потому что Слово Божие – о единстве людей, о солидарности, о единстве в словах, в общении, и вести к такой солидарности через бессловесное внутреннее щекотание решительно невозможно.

Преобразить воду в вино – не проблема, но без слов приобщить к словам и Слово – невозможно даже Богу. И слава Богу, что наша жизнь – жизнь говорящая и слушающая.

ОТСВЕТ БОЖИЙ

**«Он был не Свет,
Но свидетель Света» (Ио 1:8).**

Русские переводы создают ощущение занудства: «Он пришел», «Он не был». В греческом этих повторов нет, там Иоанн сперва – «человек», затем «этот/аутос», и в 8 стихе «экейнос/тот». Что ж, пусть в 7 стихе будет «который», а в этом «он».

Со второй половиной стиха беда. Впрочем, в самом древнем переводе никакой беды, подстрочник, но внятный: «Не бе той свет, но да свидетельствует о свете». Но вот показалось слишком уж кратко, и вставили в синодальном переводе «был послан, чтобы засвидетельствовать» – и по сей день вставляют якобы проясняющие добавки типа «явился», «пришел». Ко многому обязывающие слова. Десницкий вставил еще «лишь» – «лишь пришел свидетельствовать». Может быть, позаимствовал у Брауна, у которого вообще жуткая инверсия: «Но только свидетельствовать о свете, потому что он сам не был свет». Браун такой перестановкой избежал повторения «он», и вообще красиво, но оригинал-то жалко.

Вот же проблема на пустом месте. Понятно без вставки? Понятно. «Он не был Свет, но чтобы свидетельствовать о Свете». У Толстого еще и не такие синкопы есть! В самом крайнем случае, можно так: «Он был не Свет, но свидетель Света». Пусть будет крайний случай!

Заглавная буква, кстати, тут вполне уместна, потому что свет с определенным артиклем: «тот самый Свет», «высший Свет».

А мы – с неопределенным артиклем, видимо, но всё равно же свет. Этим и интересны самим себе и другим. Ну, ответ – неужто обидно? Если ответ ядерного взрыва, да, обидно. А ответ, образ, подобие Самого – какие тут обиды... Эх, Адам, Адамчик...

Булгаков в «Мастере и Маргарите» ввёл «покой» как нечто среднее между светом рая и тьмой ада, как некую точку зависания для недостойных света, но недостойных и ада. Точка покоя – вот, между Луной и Землёй есть такая точка, где на космический аппарат с одинаковой силой действует притяжение и Земли, и Луны (разумеется, эта точка ближе к Луне, чем к Земле). Булгаков в данном случае, как и в других «случаях» своего ро

мана, не так прост, как хотелось бы его подражателям, завистникам и хулителям. Его покой – это буквально, в старом русском смысле, покой как зало, где пируют друзья. Но что такое пир – выпивка и закуска? Пир – это, прежде всего, беседа. Вот, друзья выльчат Мастера, – и о чём он будет «писать при свечах гусиным пером»? О чём он станет «рассуждать мудро»? На чём успокоится его сердце?

Для материального тела покой – прекращение движения, для человека покой – свободное движение, парение, полёт. Покой не в том, чтобы пристроиться между светом и тьмой, укрывшись в некотором сером царстве-государстве. Покой не в том, чтобы выскользнуть из боя и, пока паны – белый и чёрный – дерутся, пописывать о прелестях возлюбленной. Покой – в Свете. Беспокоится человек, когда считает самого себя светом, а окружающих – тьмой и серостями. Успокаивается человек, когда обретает Бога-Света и становится проводником Света, свидетелем Света, сыном Света..

НЕНАСТОЯЩАЯ НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

**«Был настоящий свет, который освещает всех людей,
Который пришел в мир, в мире был» (Ио 1:9).**

Все русские переводы, начиная с древнейшего, переводят «истинный свет». Близи к этому английские переводы, которые говорят о «true light». Вульгата: «lux vera».

Браун, однако, переводит как «real» – «реальный», «настоящий».

«Настоящий» отчасти совпадает с «истинным». «Истинное» в современном русском языке воспринимается в первую очередь как слово «высокого» стиля, из философского словаря, обозначающее некое высшее знание. Джинсы, в отличие от идей, делятся не на ложные и истинные, а на поддельные и настоящие. Ложь не может быть истинной, а настоящей – вполне. «Настоящее беззаконие», «настоящее преступление». Фальшивое золото – и настоящее золото.

В евангелии от Луки 16:11 противопоставлены: несправедное богатство, нечестное, «маммона», и «настоящее богатство». Это единственное использование «алетинон» у синоптиков. У Иоанна это слово частое. Вот Иисус говорит о Нафанаиле, что он «алетос» израильтянин. В синодальном – «подлинно», и четыре русских дают «настоящий». Есть и архаизирующие переводы: «истинный израильтянин», а у Десницкого странно: «Воистину, вот израильтянин». «Настоящий израильтянин» – как «настоящий герой», «настоящий мужчина» и т.п.

Тут, между прочим, уходит резкое противопоставление «ненастоящему», фальшивому. То есть, Иисус – в отличие от Иоанна – настоящий свет, но это не означает, что Иоанн свет ненастоящий, фальшивый.

В других случаях выбор между «истинный» и «настоящий» неочевиден. Но в Ио 15:1 – «Я виноградная лоза алетинон» – конечно, «настоящая».

Настоящая сложность в этой фразе – к чему относится оборот «приходящий в мир», к человеку или к свету? Уже у святых отцов есть эти два понимания. Браун указывал, что «приходящий в мир» в позднейшем иудаизме было обозначение всякого человека, так что получается плеоназм, избыточность.

В принципе, оборот речи избыточный, если его вычеркнуть, текст не пострадает – все равно нам, в отличие от тех, с кем полемизировал евангелист, ясно, что Иоанн Предтеча – не Спаситель. Правда, часто это кажущаяся ясность, понимание до обдумывания. В конце концов, каждый человек ощущает себя светом для всех окружающих (и каждый прав, пока не отрицает светоносность других). Каждый человек ощущает себя неотмирным созданием, рождение свое осмысляет именно как «приход», а смерть – как «уход», пусть и непонятно, откуда пришли и куда уйдем. Так что проблема не в том, к чему относит-

ся этот оборот – он может относиться и к Богу, и к человеку, а в том, в чем разница между приходящим в мир Светом и приходящими в мир людьми. Проблема в том, чтобы увидеть свет в себе, образ Божий в себе – и понять, чем этот образ Божий отличается от Бога.

Нельзя поклоняться себе или другому как Богу, можно поклоняться Богу. Свет во мне есть и он помогает мне увидеть Свет вне меня. Что ж, надо помнить о возможной альтернативе, а я предпочитаю – вместе с Брауном, Златоустом и прочими – вариант «свет приходил», а для ясности переносу эти слова ближе к подлежащему, иначе в русском языке так будет либо коряво, либо непонятно («просвещающий всякого человека, приходящий в мир»).

В принципе, оборот речи избыточный, если его вычеркнуть, текст не пострадает – все равно нам, в отличие от тех, с кем полемизировал евангелист, ясно, что Иоанн Предтеча – не Спаситель. При этом надо понимать, что граница между этой фразой и следующей может проходить не там, где проходит сейчас, но об этом чуть ниже.

Правда, часто это кажущаяся ясность, понимание до обдумывания. В конце концов, каждый человек ощущает себя светом для всех окружающих (и каждый прав, пока не отрицает светоносность других). Каждый человек ощущает себя неотмирным созданием, рождение своё осмысляет именно как «приход», а смерть – как «уход», пусть и непонятно, откуда пришли и куда уйдём.

Так что проблема не в том, к чему относится этот оборот – он может относиться и к Богу, и к человеку, а в том, в чем разница между приходящим в мир Светом и приходящими в мир людьми. Проблема в том, чтобы увидеть свет в себе, образ Божий в себе – и понять, чем этот образ Божий отличается от Бога. Нельзя поклоняться себе или другому как Богу, можно поклоняться Богу. Свет во мне есть и он помогает мне увидеть Свет вне меня.

«Мир», конечно, в оригинале «космос» – тот же корень, что в «косметике», «мир» красив. Наблюдательные были древние греки, дай Бог каждому!

Заметим, что настоящий Свет светит во «всех» – «панта». Конечно, «в каждом» имеет тот же смысл, но все-таки воспринимается чуть иначе. Если перевести «каждый», то теряется переключками с предыдущей характеристикой Иоанна как того, кто был призван свидетельствовать о Свете, «чтобы все поверили через него». В современных

русских переводах преобладает «всякого человека», «каждого человека» (в РБО – «освещающий всех»), но при этом исчезло слово «человек» и «приходящий в мир» превратилось в «кто рождается в мир», а ведь о рождении тут ни единого звука).

Так-таки свет в каждом?

Ага!

А уж кто какие фильтры ставит, это совсем другая история. Про настоящую настоящую жизнь.

ГОНЧАР В ГОРШКЕ

**«И мир, который произошел через Него, Его не узнал,
К своим пришел, но свои Его не приняли» (Ио 1:10,11).**

С этой фразой есть некоторая трудность. С какого слова она начинается? Дело в том, что фраза очень симметрична, как и другие параллелизмы в Библии в целом и в евангелии от Иоанна в частности, но именно слова «в мире был» в этот параллелизм не укладываются. Интуитивно это чувствует даже те историки, которые равнодушны к поэтике текста. Те, кто объявлял весь текст об Иоанне вставным, присоединяли эти слова к 1:5: «Свет в темноте светит, И темнота не поглотила, он был в мире». То есть, вопреки усилиям темноты, свет в мире есть. Если гипотезу о вставке не принимать, то эти слова присоединяются к 1:9: «Был настоящий свет, который освещает всех людей, который пришел в мир, который в мире был».

Что граница проходит перед словами «И мир произошел через Него», дополнительно подтверждается союзом «и», который очень часто отмечает паузу, начало новой фразы. В отсутствие знаков препинания это было крайне важно.

«И мир, который произошел через Него, Его не узнал,
К своим пришел, но свои Его не приняли».

Это действительно параллелизм или нет? Об этом спорят, но спор кажется беспредметным. Так ли уж велико различие между «узнать» и «принять»? Для психологии людей той эпохи – нет. Кого узнал, того

и принимаю. «Свои» – а в каком смысле? Да в том же, в котором мир – «космос» – Божий. И космос «произошел через Него», и люди. «Свои» означает не то, что люди вырвали Иисуса своим президентом или были подарены Ему Отцом, а то, что они созданы Богом, как и космос, и принадлежат Богу – да, Иисусу включительно – как вырезанная пастухом дудочка принадлежит пастуху.

Были и другие толкования: например, что приход в «мир, который произошел через Него» – это о приходе Бога к евреям до Христа, а к «своим» – приход во Христе. Очень соблазнительно считать, что «свои» – это те, кто уверовал во Христа. Но оснований для такого противопоставления всё-таки нет.

НЕПРОХОДИМЫЙ МИР, НЕПРЕХОДЯЩИЙ БОГ

Во фразе «И мир через Него стал существовать, Его не узнали, Его не узнал» принципиальна перекличка с третьей фразой от начала: «Через Него существует всё существующее, без Него не существует ничего».

В оригинале – «эгенето», а переводят по-разному: «был создан», «был сотворен», «возник благодаря Ему», «произошел», «получил бытие».

«Начал быть» синодального перевода плохо одним: в той же фразе «был» сказано о пребывании Иисуса в мире. В греческом тексте это два совершенно разных глагола («был» – «ЭН», и, кстати, звучит как предлог «в», так что по-гречески слышится как «ЭН то космо ЭН» – «в космосе был».

К этой фразе есть поразительно близкий по времени и форме аналог в книге Еноха, которая была написана в ту же эпоху, что и Евангелие, отрывки из которой сохранились в рукописях Кумрана, а текст целиком вошел в эфиопский вариант Библии. На книгу Еноха есть ссылки в посланиях апостолов Иуды и Петра.

«Мудрость не нашла [на земле] места, где бы ей жить, и потому жилище ее стало на небесах. Пришла мудрость, чтобы жить между сынами человеческими, и не нашла себе места; тогда мудрость возвратилась назад в свое место, и заняла свое положение между ангелами.

И неправда вышла из своих хранилищ: не искавшая его [приёма], она нашла его и жила между ними (людьми), как дождь в пустыне и как роса в земле жаждущей».

«Поразительно» совпадение образов. Но именно совпадение форм подчеркивает различие содержания. Цинизм, отчаяние – и вера.

Вспоминается стихотворение, написанное Маяковским перед самоубийством: «Я хочу быть понят родной страной, а не буду понят – что ж?! По родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь».

Маяковский прошел, а Иисус остался. Кто там говорит, что Иисус самоубийца? Посмотрите на Маяковского – вот самоубийство. Посмотрите на Иисуса – вот даже не самопожертвование, а просто Бог. Прилипчивый Бог. Надеющийся на людей и не оставляющий людей никогда.

«Не узнал» – во многих переводах ставят более философическое «не познал». Очень странно, что Десницкий ставит «не принял» – странно потому, что «не принял» это совершенно другое греческое слово, и оно будет в следующей фразе.

Почему никто не спасётся, хотя спасутся все

«Пришёл к своим, и свои Его не приняли» (Ио 1:11).

«Свои» – в смысле, евреи? Или всё-таки пошире – все люди? Второе, конечно, это ясно из предыдущего стиха, где говорится о творении всех, о творении «мира» через Иисуса. Но как же можно говорить, что Его не приняли? Кто-то не принял (предположим, большинство из того меньшинства, которое Иисуса увидело – или пусть даже влиятельное меньшинство), а кто-то принял. Почему общий итог подводится, исходя из тех, кто не принял?

А почему о судьбе «Титаника» говорят, исходя не из того, сколько спаслось, а из того, сколько не спаслось? Спаслась треть из двух тысяч пассажиров, а мест в шлюпках хватило бы вообще для всех. А почему прочность цепочки определяется прочностью самого слабого её звена? Если цепочка стальная, но одно звено пластилиновое, то цепочка – пластилиновая.

Поразительная парадоксальность христианства именно в том, что спасены должны быть все, но спасается каждый, а не группы. Собственно, большого парадокса нет – ведь «группа» это лишь пародия на «все». Отсюда и чувство вины у спасённых – оно должно быть, если

его нет, это нездорово: ну как это, я – тут, а они – нет? Отсюда и тайна Невяления Христа, тайна Ненаступления Страшного Суда.

Не Церковь – корабль. Церковь – вселенная, а тонет как раз корабль человечества. Вот и не надо торопиться, как торопились на «Титанике», вот и надо дать шлюпкам время – пусть все погрузятся, все подымутся и спустятся, включая и тех, кто уже вроде бы отказался спасаться, и вроде бы уже потонул в пучине...

Что мы, не утонувшие, знаем про пучину? Живые – про смерть? Ничего. И не надо. Надо знать Бога, исследовать Бога, изучать Бога. Бездну смерти невозможно узнать не потому, что она какая-то особо глубокая, а потому что она – никакая. Бездну Бога и любви и можно узнать, и вечная жизнь и есть познание этой бездны.

ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СПАСЁТСЯ, ХОТЯ СПАСУТСЯ ВСЕ

«К своим пришел, но свои Его не приняли» (Ио 1:11).

«Свои» – в смысле, евреи? Или всё-таки пошире – все люди? Второе, конечно, это ясно из предыдущего стиха, где говорится о творении всех, о творении «мира» через Иисуса. Но как же можно говорить, что Его не приняли? Кто-то не принял (предположим, большинство из того меньшинства, которое Иисуса увидело – или пусть даже влиятельное меньшинство), а кто-то принял. Почему общий итог подводится, исходя из тех, кто не принял?

А почему о судьбе «Титаника» говорят, исходя не из того, сколько спаслось, а из того, сколько не спаслось? Спаслась треть из двух тысяч пассажиров, а мест в шлюпках хватило бы вообще для всех. А почему прочность цепочки определяется прочностью самого слабого её звена? Если цепочка стальная, но одно звено пластилиновое, то цепочка – пластилиновая.

Поразительная парадоксальность христианства именно в том, что спасены должны быть все, но спасается каждый, а не группы. Собственно, большого парадокса нет – ведь «группа» это лишь пародия на «все». Отсюда и чувство вины у спасённых – оно должно быть, если

его нет, это нездорово: ну как это, я – тут, а они – нет? Отсюда и тайна Невяления Христа, тайна Ненаступления Страшного Суда.

Не Церковь – корабль. Церковь – вселенная, а тонет как раз корабль человечества. Вот и не надо торопиться, как торопились на «Титанике», вот и надо дать шлюпкам время – пусть все погрузятся, все подымутся и спустятся, включая и тех, кто уже вроде бы отказался спасаться, и вроде бы уже потонул в пучине...

Что мы, не утонувшие, знаем про пучину? Живые – про смерть? Ничего. И не надо. Надо знать Бога, исследовать Бога, изучать Бога. Бездну смерти невозможно узнать не потому, что она какая-то особо глубокая, а потому что она – никакая. Бездну Бога и любви и можно узнать, и вечная жизнь и есть познание этой бездны.

МЕЖДУ НАИВНОСТЬЮ И СКЕПСИСОМ

Человек склонен к двум крайностям. Наивность полагает, что познавать так же просто, как дышать. Человек – часть мира, мир – часть человека. Коли живёшь, так и познаёшь. Рассуждение хорошо до той минуты, когда ты начинаешь болеть, начинаешь умирать – и ни ты не понимаешь, почему умираешь, ни окружающие, включая врачей. Любое «свидетельство о смерти» поверхностно, описательно и не отвечает на вопрос, как не умирать. Как будто человек спрашивает, неизбежна ли смерть!

Скептичность полагает, что познавать так же невозможно, как воскресать. Всегда то, что мы хотим познать, – «вещь в себе». Погладить можно, заглянуть вовнутрь нельзя. Для практических нужд вполне достаточно, что можно погладить – ведь «практика» тут означает максимальное оттягивание смерти.

Наивность и скепсис одинаково не делают различия между миром и творцом. Творец с большой буквы (Бог), творец с маленькой буквы (человек) кажется либо частью мира, либо фантазией. Наивность полагает, что весь мир пропитан творческим началом, скепсис полагает, что творчество придумали для обмана других либо самого себя, а на самом деле никакого творчества нет и быть не может. Большой взрыв

есть, вселенские струны есть, говорящая обезьяна есть и называется человеком, и не надо жевать соплю про дух и творчество.

Бог родился в мире, но Бог не начал быть в мире. Мир начал быть в Боге, но мир не родился в Боге. Нельзя сказать, что падающее дерево издаёт звук шума, коли рядом нет человека, потому что «звук», «шум» – это не физические явления, а слова, обозначающие познание человеком какой-то части физических явлений. Нет человека – нет слов. Нет Бога – нет человека. Обезьяна может быть без Бога, а человек нет. Бог творит мир словом, но человека Бог творит познанием. Человек – единственная часть творения, которая нуждается в Боге для своего существования ежесекундно, которую Бог не может оставить ни на минуту. Оставит – останется обезьяна. Как если учёный отойдёт от телескопа, останутся небесные тела, но исчезнут «звезды» как то, что наблюдает и познаёт учёный. Познание Бога есть любовь Божия. Любовь, существование и познание едины и для человека. Познание так же невозможно, как невозможна любовь, как невозможно человеческое, а не обезьянье существование. Так же и реальны – реальны там, где реален Бог.

Может ли мир познать Бога, когда Тот рождается в мире, а не сваливается на мир как Тунгусский метеорит? Познанию Спасителя мешало и мешает то, что мешает любому познанию – наивность и скепсис. Наивность полагает, что Бога познать легко. Пантеизм, деизм, экотелология, прильнуть к старому дубу, два притопа, три прихлопа, сорок господипомилуёв. Скепсис полагает, что Бога познать невозможно либо потому, что Бог это Бог, либо потому, что Бог это пустое сочетание звуков. Если человек слышит, что падает дерево, когда вокруг пустыня, это означает, что у человека слуховые галлюцинации.

Наивность – детство познания, скепсис – подростковый возраст. Между тем, Бог пришёл к людям вполне взрослым. Антигерои Евангелия так же не страдают инфантилизмом, как герои Евангелия. Антигерои не скептически, они властолюбивы. Герои не наивны, они боголюбивы. Любить «кого» или любить «что», познавать ради вечной жизни или подозревать, разнохивать, безопаситься, обороняться, распинать ради благополучного дожития до смерти, – вот путь спасения и путь гибели. Путь жизни и путь смерти. Познающий часто гибнет, но всегда оживотворяет другого и приобщается вечной жиз-

ни. Подозревающий часто выживает, но всегда смертоносен и умирает прежде смерти.

БОГ – ЦАРЬ ИЛИ БУДИЛЬНИК?

«Принявших же Его

Он побудил к рождению детьми Божьими» (Ио 1:12а)

В привычном синодальном варианте: «дал власть быть чадами Божиими». Слово «власть» в греческом тексте – это железно именно «власть», будь она неладна. Но переводить-то как «власть» прямо-таки грамотно. Кстати, в порядке просвещения заметим, что церковнославянский перевод говорит «область» – ведь «власть» и «волость» одно и то же, возможность править над определенной территорией.

Некоторые английские переводили в 1960-е годы предложили вариант «право», и Кузнецова и адвентисты использовали этот вариант. Но Браун справедливо замечал, что никуда не годится, потому что для Иоанна быть чадом Божьим – никоим образом не право человека, которое человек по своему усмотрению реализует. Этот дар Божий. Не получится выдвигать Богу претензию: у меня есть право быть Твоим ребенком, изволь это право реализовать! Подай мне Духа Святого на блюдечке с голубой каёмочкой!

Бультман предположил, что тут в еврейском (возможном) оригинале был оборот «натан» – «дать». Это ровно то словечко, которое в имени «Феодор» – «Божий дар».

Иоанн часто употребляет эту несчастное «эксусия»: Отец дал Иисусу «власть творить суд» (5:27), Иисус добровольно отдает жизнь: «Я имею власть отдать ее и взять» (10:18), Бог дал Иисусу власть над всяким живым существом – но не вообще власть, а власть надавать вечную жизнь (17:2). Это, конечно, не совсем власть как юридическое понятие. Вот в разговоре с Пилотом – да: «имею власть тебя отпустить» (19:10), на что Иисус замечает, что эта власть дана Богом – не императором, заметим! Более того, Пилат не имеет возможности использовать эту власть, чтобы отпустить Иисуса – не потому, что бо-

ится принцепса, а потому что воля Божия в том, чтобы Иисус прошел через крест.

Десницкий предложил интересный вариант: «возможность», но тут та же проблема, что с «правом» – акцент переносится на человека, а Иоанн ставит акцент именно на Боге. «Бог дал власть» – не делегировал полномочия, а...

В общем, я пошел по пути Брауна и превратил существительное в глагол: «Бог подвиг». А потом я все-таки заменил «подвиг» на «побудил». Очень хочется поставить «вдохновил», но это слово очень нагруженное дополнительными, возможно, не вполне уместными коннотациями (как и «подвиг»).

И вновь мы оказываемся перед глаголом с корнем «ген». Не «быть детьми Божьими», а «генестай» – родиться, родиться, родиться. Дети – рождаются. Никодим говорилось не «будем как дети», а «родиться в Духе».

Иоанн, кстати, очень четко разделяет: «сын» у него только Иисус, верующие – мужчины – «дети». «ребенки». Вот Марк и Павел называют верующих «сыновья Божии».

Конечно, поставить «родиться» тут совершенно невозможно стилистически и идейно. Дети Божьими не рождаются, детьми Божьими становятся. А если метафорически это обозначается как рождение... Что ж, произведем операцию по смене пола, как с «властью», делаем из глагола существительное: «побудил к рождению детьми Божьими».

Последние же слова фразы («верующим во имя Его») я вслед за Брауном отношу к следующему предложению.

ОТ КОГО СПАСАЕМСЯ? – ОТ КТО СПРАШИВАЕТ!

Один из популярных современных вариантов перевода – «дал право» быть детьми Божьими. Слово «власть» за две тысячи лет уж очень испоганилось – вместе с явлением, конечно. Власть воспринимается как паразитизм на творчестве, как эксплуатация, как отношения садо-мазохистские, в которые можно включаться лишь в самых крайних ситуациях, когда выбора нет.

Что же, верующий сам себе угнетатель и угнетённый – диктует себе, как себя вести и кем быть? Играет в покер сам с собой, поочередно берёт один набор карт, потом другой, делая вид, что не знает карты «противника»? Это, между прочим, довольно разумное поведение, учитывая принципиальную многосложность человека, но об этом ли говорится в данном случае?

Современный человек – обычно неверующий. Впрочем, и абсолютное большинство людей древности были неверующими, не подозревая об этом. В лучшем случае, они были обрядоверы, националисты в религиозной упаковке. Слово «вера» было идентично понятию «религия», – не для всех, конечно. Та же драма была и с любовью, и с надеждой. Ну вот раб, который не надеется на освобождение, а надеется на дополнительную порцию каши – это же не настоящая надежда, а разновидность отчаяния. Десятая жена в гареме, которая надеется, что муж – идиот и садист – обратит на неё внимание, потому что она его любит и он её любит, – она понимает, что тут любовь и не ночевала? Ну вот так же и с верой в мире первозданной стадности.

Граница между псевдо-верой и верой проходит по пророкам, и это место понятнее, если прочесть начало книги пророка Осии. Бог велит пророку жениться на проститутке – вот как надо закручивать сюжет! Пророк женится и рождает трёх детей с именами как в пьесах Просвещения. Условно говоря, Антилюбовь, Антивера, Антинадежда. Или на индейский манер: вот был великий вождь по имени Божий Народ, Которому Бог Всё Прощает – а теперь вождя будут звать Народ, От Которого Бог Отрёкся и За Всё Накажет. А вот не надо бл...дствовать, мать вашу!

Вера отслаивается от религии, когда сыновья отслаиваются от отцов. Отцы спокойно грешили, а дети вдруг взбунтовались – они веруют, что Бог им сказал не грешить. Представления о грехе, о добродетели, о смысле жизни ощутимо меняются. Авраам, отец веры, с чистой совестью подкладывал жену в постель фараону, сына едва не зарезал, а уж там порубить в капусту врагов или обмануть кого, так он без этого дня прожить не мог, – скучно же. А потомки Авраама малость уже другие... Тут нужна двойная вера – вера в Бога Авраамова, раз, и вера в то, что Бог Авраама сейчас требует от меня не того, чего хотел от Авраама, говорит мне другие слова и глядит на меня другим взглядом. Отцы, к примеру, изготовили атомную бомбу, а вот

мне лично Бог сказал, что дело это скверное и надо атомную бомбу ликвидировать, как бы ни напирали враги.

У пророка Осии всё заканчивается благополучно – гнев Божий проходит, истерзав несчастную женщину, муж её прощает, при этом выясняется, что муж-то – не пророк, а Сам Бог. Верующий и Тот, в Кого веруют, – одно. Пророк Божий – Бог, дети пророка – дети Божии, маленькие боги. Да и не такие уж маленькие, если приглядеться...

Вера без дел мертва, но вера – не дела. Вера без любви ничто, но любовь – не вера. Мало быть деятельным и любящим, чтобы быть верующим. А нужна ли вера вообще, если есть любовь и дела любви? Ну, как сказать... Человек, который уверен в том, что он любит... Царь Соломон был уверен, что любит каждую свою гаремницу... Израиль эпохи пророка Осии был уверен в себе как в народе Божиим, а вот у пророка Осии – и у Бога – оказалось другое мнение...

Вера в Бога есть высшее проявление веры в себя. Вера в себя есть самоуверенность, прямо наоборот. Вера в себя есть вера в то, что я могу ошибаться, могу считать любовью то, что любовью не является, могу считать делами веры – греховные безделушки, а то и преступления, но всё же, всё же могу и измениться. Покаяться. Не потому, что я такой совестливый – я бессовестный – а потому что Бог.

Моя бессовестность, конечно, Бога во мне блокирует, но я беру в руки книгу пророка Осии – или Евангелие от Иоанна – и верую, что моё настоящее имя это не моё имя, а Имя Божие. Имя мне Бог, и я могу быть Богом – «сыном Божиим», назовём это на всякий случай, для красоты и для успокоения инквизиторов. Конечно, именно тогда, когда я стану Сыном Божиим, называемым Именем Божиим, полным деятельной любви Божией, я особенно чётко пойму, что человек богом быть не может – вот когда я был грешником и идолопоклонствовал перед своим «я», тогда я этого не понимал. Такая вот лента Мёбиуса ведёт к Богу.

Язык оказывается не в силах описать реальность веры. Но не мычать же! Язык говорит, что я могу быть сыном Божиим – «могу», «имею возможность», «имею право», «имею власть». Но это бред – и поэтому язык сразу добавляет противоположное: эта власть мне «дана», эта возможность – «по вере», не по факту. Я могу – потому что не я могу, а Бог может. Я люблю не потому, что я люблю, сволочь я безлюбовная,

такая-рассякая. Я люблю, потому что я верую, и верую, потому что люблю, а так-то я не верующий, а предатель веры.

Человек вновь и вновь выпихивает Бога из своей жизни. Да человеку песчинка в ботинке страшно мешает, что уж о Боге говорить! Заменить Бога «любовью», «творчеством», заменить веру в Бога – впрочем, её можно и не заменять, просто вычеркнуть... Религию заменить государством. Демократическим, конечно, но и мягкий деспотизм тоже сойдёт, на худой конец.

Как спасти нас от нас самих? Вот – Сын Божий, Он и есть спасение. Он, конечно, тоже будет цитировать пророка насчёт того, что все верующие сыны и дочери Божии и боги, но цитата цитатой, а спасение в том, что не я, а Он – Сын Божий. Только Он – и только Бог. Не ещё один камешек в ботинке, не новый какой-то Путь, а зрение моё, слух мой, жизнь моя. Без Него – всё ничто, опять будет бл...дство и самообман. С Ним – ну, с Ним, конечно, тоже будет и бл...дство, и самообман, в этом смысле способности человека совершенно безграничны, но с Ним будет и святость – насколько меня с Ним соединяет не моя самоуверенная любовь к людям, не мои великие добрые дела, а моя вера. Вера во Имя Его, во то, что меня зовут не мной, а Им, и Бога зовут Им же, и произошло на перекрестье распятия короткое замыкание, и оно не должно разомкнуться.

БОЖЕ, РОДИ МЕНЯ ВПЕРЁД!

**«Верующими в имя Его,
Рожденными не от крови,**

**По воле не тела,
По воле не человека, а Бога» (Ио 1:12b-13)**

Выражение «верующие во имя Его» (в оригинале стоящее после слов «стать чадами Божьими») по сути повторяет выражение «принявшие его». Поэтому, считает Браун, в древности в некоторых рукописях опущен первый оборот, а в некоторых второй. Но повтор, параллелизм – прием абсолютно нормальный для Иоанна (и Библии)

в целом). Идея, что 12–13 стихи добавлены позже, потому что они не о Слове, а о верующих Слову, навязывает древнему автору довольно жесткую логику. Получается как с Акакием Акакиевичем: либо кофе, либо булочка. Булочка – позднейшая добавка к кофе? Да неужели! К тому же выражения не совсем совпадают: «принявшие» – это действие законченное, «верующие» – действие длящееся, это и греческом тексте такое различие.

Другие переводы противопоставляют желания тела и мужчины – Богу, мой перевод противопоставляет желания тела и человека – желанию Бога. Разница существенная, тут «желание» не получает негативного оттенка («похоть», «вожделение»). «Желание» в Новом Завете – именно как греховные желания – это «эпитюмиан». А слово «телематос» всюду – «воля», и в «Отче наш» – «да будет телематос Твоя». Так что тут никакого осуждения полового влечения нет, тут совсем о другом. И переводить «андрос» как «мужчина» решительно не надо. Все очень стройно, восходящая триада «тело-человек-Бог». И двустипшие очень четко вырисовывается, становится понятно, почему дважды «по воле» – в начале каждой строки отдельно.

Справедливости ради замечу, что адвентистский перевод как раз дает «не от воли человеческой». Правда, он при этом сохраняет «не от влечения плоти», так что получается совершенно разный перевод одного и того же слова в одной фразе.

На один радикальный ход я не решился. По-гречески тело это «сома» (отсюда «соматический», «психосоматика»), а тут «саркос». «Сома», в числе прочего, это «Сие есть Тело Мое». «Саркос» следовало бы перевести как «организм». Но это слишком «модерно», мне лично режет ухо, так что я предпочитаю ставить «тело». Но не «плоть» – это слишком архаично. Да и в быту мы же не говорим «организм требует» (когда требует, говорят «душа требует», водочки). «Телесные» потребности, «физиологические».

АКУШЕР НЕБЕСНЫЙ

«Второе рождение» – метафора, видимо, крайне древняя. В Евангелии от Иоанна она, кроме этого места, подробно развёрнута в виде беседы Иисуса с Никодимом (где Никодиму уготована не очень приглядная роль туповатого доктора Ватсона, которому всё надо разжёвывать).

«Второе рождение», «возрождение», – образ дохристианский и уж подавно не только христианский. Задолго до того, как появились евреи, в Индии уже были «дваждырождённые» – высшие касты, над которыми со-вершали упанаяну. У греков дваждырождённым именовался Дионис, – его донашивал отец у себя в бедре.

С XVIII века, когда в Америке началось движение за духовное возрождение, стало популярным говорить о себе как о «рождённом вновь» («born again») и среди христиан. Мотив крещения как второго рождения стал очень популярен – между тем, в разные эпохи крещение понималось очень по-разному, а изначально, всё-таки, не рождение, а омовение.

Любопытно, что самый мощный смысловой пласт, связанный с рождением, в христианстве (как, впрочем, и в других религиях) остаётся под запретом. Ведь рождает женщина. «Рождение в Духе» означает, что Дух – женщина. Но эгоизм и в религии эгоизм. «Авраам роди Исаака». Женщины не считают себя неполноценными из-за отсутствия мужского полового органа, вопреки Фрейдю, а вот мужчины, судя по текстам, явно чувствуют себя ущербными из-за того, что не рожают. Вот мы и сравниваем что ни попадя с родами. Ведь «муки творчества» – родовые. Павел – «я родил вас во Христе». В итоге женщина, которая рождает самое большее два десятка раз, далеко отстаёт от мужчин, которые рожают десятки и сотни раз. Духовно.

Правда же в другой метафоре, которую один гинеколог использовал, чтобы объяснить мужьям, что чувствуют роженицы: «Представьте, что вам в зад воткнули зонтик по самую рукоятку, там раскрыли и пытаются вы-нуть».

«Второе рождение» означает прежде всего, что Богу с нами трудно. Трудно до невозможности. Одно дело, дышать, где хочешь, совсем другое – рожать, кого хочешь. Но уж очень Ему хочется! Ведь в этой фразе рождение от Бога противопоставляется рождению от похоти

мужчин. Непреодолимое половое влечение – и непреодолимое влечение Бога к спасению человека. Бог не просто хочет нашего спасения, Он страстно этого хочет. Иначе бы давно махнул рукой.

Мы, между прочим, нашего спасения страстно не желаем – как ребёнок совершенно не желает зачатся и родиться. Нас-то ведь ещё вообще нет! В этом парадокс, даже апория всех разговоров о вере. Чтобы принять веру, надо уже быть верующим. Чтобы хотеть спасения, надо уже быть спасённым – спасённым от равно-душия к спасению.

Сила, с которой Иисус говорит о рождении от Бога, от Духа, прямо пропорционально чуду рождения Иисуса от Марии. Две невозможности соположены: невозможно Богу родиться от женщины, невозможно челове-ку родиться от Бога.

Было невозможно.

* * *

Второе рождение есть рождение второго «я». В человеке грешном рождается святой, в неблагодарной твари рождается благодарное творение, в глухом рождается слышащий.

Второе рождение проблематично не потому, что невозможно или трудно. Точнее, второе рождение трудно до невозможности, потому что его легко имитировать.

Плоть и кровь – страшная сила, когда нужно что-то имитировать. Страшная, потому что бессознательная. Человек способен даже имитировать любовь. На этом стоит атеизм, который заявляет верующему: «Ты ро-дился не от Бога, а по своему хотенью, по плотскому велению. Был у тебя кризис среднего возраста, и ты не сумел его по-настоящему преодолеть, а ударился в религию». Бывает рождение от Духа, но бывает и имита-ция этого рождения от малодушия.

У имитации есть некоторые признаки, по которым не наверняка, но всё же можно её опознать. Например, мужчины, которые присутствуют при родах жены, не имитаторы. Они не утверждают, что рожают. А вот эт-нография зафиксировала у разных народов обычай, когда мужчина именно изображает роды – стонет, раз-двигает ноги. Небось, встают в убеждении, что «мы рожали». И среди всевозможных крещённых водою и Духом, дваждырождённых и дабл-борнов, увы, немало таких, кто всё-таки сам себя родил.

Критерий-то подлинности – от Бога родился или от собственных иллюзий – очень прост. Если от Бога, значит, ты Бог. Если от себя, ты есть ты. От груши не родятся фиги, от Бога не родятся люди. Ну а уж как понять, Бог ты или не Бог... Антропология Бога – словосочетание дикое, а наука очень точная, изложена в Евангелии. Если ты Бог, то плачешь, когда не боги смеются, нищий, когда не боги богаты, милосерден, ко-гда не боги суровы... В общем, читаем заповеди блаженства и помним: Бога не видел никто никогда. Если мои добродетели кто-то видит, значит, я не Бог. Даже если это я самих вижу. Особенно, если я сам. Бог ведь и для Себя невидим.

Роды кажутся переходом из одного состояния в другое, из одного мира в другой. Об этом шутка про цып-лят, которые не хотят покидать яйца – снаружи явно что-то неблагополучно. Намёк на то, что мир Духа, куда «рожает Дух», есть мир лучший, чем известный по умолчанию мир материальный, мир ненависти, без-душия, бездуховности.

Конечно, никто не отрицает, что в мире наличном есть свои преимущества – тут блаженны богатые, смею-щиеся, а, как известно, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Но совесть должна быть?! А ну-ка марш рожаться «от ликующих, праздно болтающих, обагрывающих руки в крови» в «стан погибающих за великое дело любви». И какие щи нам больше нравятся?

Хорошая новость заключается в том, что Царство Божие «приблизилось». Царство Божие не есть «мир сей», христиане «не от мира сего», но «мир Духа», «мир иной» – вовсе не какой-то антимир, как Христос не анти-христ.

Рождение от Духа человек, по своему эгоизму, склонен ощущать как прежде всего перемену в себе. Но ведь младенец, когда рождается, не очень меняется.

Меняется среда, способ питания, а он остаётся прежним. Поэтому, кстати, «дваждырождённые» такие ра-достные – они уже поняли, что нечто изменилось к лучшему, но ещё не поняли, что изменения произошли не там, где им кажется. Хорошо, если эта эйфория проходит, а ведь бывает и пожизненное неофитское пус-кание слюней, изображение из себя младенца, чья улыбка мила, но довольно бессмысленна. Окружающие умиляются, но в строго ограниченных пределах, по-

тому что ребёночки так размахивают ручёночками, что могут очень болезненно садануть.

Духовный мир, в которой человека вводит духовное рождение, не есть те псевдо-мистические измерения с особыми языком и законами, которые рисуют псевдо-мистики. Это всё идолопоклонство и материализм в ре-лигиозной шкуре. Духовный мир так же объёмлет обычный, как роддом «объёмлет» роженицу. С точки зрения Творца, мир вообще один. Бог лишь снисходит к человеческому словоупотреблению – мы от гордости пытаемся загаженную нами часть мира объявить отдельным космосом.

Рождение в Духе больше напоминает прозрение. Кстати, и в Евангелии, и в истории Церкви исцеление от слепоты чаще используется для обозначения чуда веры. Младенец, когда рождается, прозревает? Но он не был же слеп!

Рождение в Духе открывает Дух, а не какой-то новый мир. Так обычное рождение открывает не особый мир, а мать и отца, с которыми дотеле ребёнок был знаком весьма условным образом.

Царство Небесное, мир Божий можно было бы назвать пятым измерением обычного мира, но всё же точнее понимать, что «обычный мир» есть всего лишь тридцать пятое, примерно, измерение Божьего мира. Не цар-ство Небесное нашлёпка на «нашем» мире, а наш мир – как погост на чудоюде-рыбоките.

Здесь кроется разгадка самого, может быть, трудно в христианстве: как любить грешника, не выдавая его за святого ни перед собой, ни перед другими. Вообще это противоестественно. Поэтому рождение в Духе на первых порах ведёт к умственному расстройству, когда человек начинает говорить, что «все хорошие», «все белые» и пускать прочие бессмысленные словесные пузыри. Да нет: есть и подонки, и воры, и лжецы, и пала-чи. Тем не менее, они «есть» в Божьем мире. Рождение в Духе не открывает в них «лучшую сторону», которой может попросту давно уже не быть. Рождение в Духе открывает Дух. Не больше и не меньше. Вот этого открытия и достаточно, чтобы мир переменялся.

Рождению в Духе противоположно ожидание рождения в Духе, только и всего. А такого ожидания много именно среди тех, кто уже вроде бы уверовал. Это они читают лишь те страницы Библии, где говорится о грядущих катастрофах, для них главный евангелист – про-

рок Даниил. Они заменяют книгу Бытия Апокалипсисом, читая его как Книгу Небытия. Библия превращается в жёлтую прессу, смакующую несчастья, гре-хи, бесконечно пересчитывающую четырёх всадников. Да всё уже давно проскакало! Страшнее Голгофы ни-чего быть не может, а Голгофа совершилась!!

Конец света – не страшное кино, и рай – не галлюцинации наркомана. Страшный Суд и рай отличаются от мира, окружающего рождённых – и дваждырождённых в том числе – на самую малость. Это и радостно, и тяжело, потому что и эту малость мы с трудом принимаем, и всё кричим, кричим, как новорождённые.

ИИСУС – СОСЕД ПО ЛЕСТНИЧНОЙ КЛЕТКЕ

**«И Он, Слово, стал человеком,
И поселился среди нас.**

**И мы увидели славу Его,
Славу Единственного у Отца,**

**Полного благодати
И истины» (Ио 1:14)**

Изначальную проблему – как «слово», «логос» – термин мужского рода с действиями в мужском роде – передать по-русски? Я поставил «И Он, Слово». Кузнецова «И Тот, кто является Словом» почти то же, но «является» и отсутствует в подлиннике, и несет в себе богословскую и философскую нагрузку, которой в оригинале нет и быть не может.

«Стал человеком». В греческом «плотью», и «плоть» – это не «тело», это, скорее «организм». Это «человек вообще», и вот где приходится жалеть о том, что в русском исчез неопределенный артикль. «Некий человек».

«Поселился» – буквально «поставил свой шатер», еще буквально – «скинулся», от слова «скиния». Это может быть отсылка к Торе, где храм, начиная со скинии/шатра – это жилище Бога среди человека. А может и не быть. «Скиния» это всего лишь обычный дом кочевни-

ка. То, что для горожанина квартира. «Я дома» не означает «я в доме таком-то», а означает «я в своей квартире». Это утешительно: значит, и квартира может быть размером с Храм Иерусалимский.

«Единственного». Именно «единственного», ни в коем случае не «единородного», хотя греческое слово включает в себя «генос», «моногенос». Но включает как «здрасьте» включает в себя «здоровье». Про «рождение» стали добавлять во время полемики с арканами в IV веке – мол, Иисус не сотворен Богом, а рожден Богом, Он не творение, а Творец. Иоанн в таком ключе просто не думал. «Единственный у Отца» – в оригинале не «у», а «от», «пара», то есть, посланный от Отца, но тут уже русский язык не позволяет просто поставить «от», требуется дополнение в виде глагола, а это означает не переводить, а сочинять. Приходится идти на компромисс.

Эта фраза четко переключается с самой первой:

Слово было / Слово стало, «эгенето», стало существовать

Слово было у Бога / Слово стало с нами

Слово было Бог / Слово стало человеком.

Слова «полное благодати и истины» оторваны от второй половины двустипшия, частью которого они являлись. Неудачно сделанная вставка, а было так:

«Полного благодати и истины, Ведь из того, что наполняет Его, мы все получили к благодати благодать».

В Евангелии от Иоанна есть «благодать и истина», – в этой фразе и несколькими строками ниже в Ио 1:17 (благодать и истина через Иисуса), а есть «дух и истина» – Богу надо поклоняться в духе и истине (Ио 4:23–24). Есть «дух истины» (Ио 14:26), которого Отец посылает через Сына, чтобы учеников научить и помочь им помнить слова Иисуса. В Ио 15:26 «дух истины» свидетельствует об Иисусе, в Ио 16:13–15 дух истины наставляет учеников в истине.

«Благодать и истина», «Харис каи алетейя» идентичны «духу и истине»? Да! У апостола Павла именно Дух дает различные дарования – «харисматон» (1 Кор 12:4). В день сошествия Святого Духа апостолы «наполнились (эплестесан) Святым Духом», и «великая благодать была на всех» – «харис» и есть Дух. «Полные духа» это и есть «полные харис». В Деян 6:8 Стефан «полон благодати и силы», «плерес харитос каи динамеос».

«Благодать» – это Дух, действующий в человеке, как дыхание это воздух, работающий в лёгких.

КТО КОГО ВЕЗЕТ

**«Иоанн свидетельствовал о Нём
И провозглашает, говоря:**

**– О Нем я сказал, что Идущий после меня опередил меня,
Потому что был передо мною» (Ио 1:15).**

Вот это – да, вставка. Тут разрыв текста очевиден, потому что разрывается мысль о «полноте». Но и вставка сделана со смыслом, она развивает другую мысль разорванного предложения – о том, что Иисус «от Отца», что еще до того, как стать человеком, Иисус был в Боге, был Слово и т.д.

В греческом оригинале тут юмор каламбура, а не теология: «впереди» – «эмпростен», «прежде» – «протос». «Протон» в греческом это еще и «начальник», «первенствующий», как в латинском «принцепс».

Вставка вовсе не глупая. Христианином не рождаются, христианином становятся. Сперва родиться, потом открыть Бога, потом открыть, что Иисус – Он, Единственный, Тот самый. Так что высшее в нашей жизни приходит – с нашей точки зрения – после того, как мы уже изрядную часть жизненного пути прошли. Да и Бог – это слово всегда традиционное, всегда из прошлого, минувшего. Пора бы на свалку отправлять. А потом глядишь – елы-палы, Тот, Кто дышал мне в затылок Духом Святым, я ж Ему в спину смотрю, Он ведет Меня за собой, не я Его на саночках везу...

* * *

Предтеча здесь обыгрывает двойное значение понятия «первый» – первый во времени и первый в пространстве, первый в иерархии людей. Иисус – Бог – важнее, потому что раньше. Эта шутка, однако, ещё об одном: Иоанн – «Предтеча», то есть он шёл к людям

как предшественник, он шёл первым, чтобы «приготовить дорогу». Он идёт первым, потому что считает себя вторичным. Он – не последователь, он – пророк. Потом это взвалит Иисус на апостолов: пошли вперёд, Я за вами...

Хорошо быть последователем, учеником Иисуса – за Его спиной можно и в носу поковырять, и водочки от-хлебнуть. Господь прокладывает узкий путь, а мы по этому пути путешествуем. Последователи не красуются на трибунах, не светятся в газетах, зато им интересно жить – ведь можно разглядывать Бога, пускай хотя бы со спины (спина Христа – это иконы, Его изображающие, как Библия – спина Духа Святого). А вот быть «посланцем», идущим впереди Христа, – преудивительное занятие. Сам Бога не видишь, Он ведь у тебя за спиной. Видишь людей, причём прежде всего с той их стороны, которая ещё с Христом не познакомилась. Веришь, что Христос у тебя за спиной...

Если бы Христос был спецназовец, можно было бы за спину не бояться. А так... Спереди грозят пощёчины, и Спаситель из-за спины нашёптывает: «Подставляем!» Сзади – что-то сучковатое, корявое, тяжеловесное как чемодан с книгами... Крест, так перетак! Пожалуй, лучше уж подставить щёку пощёчине, чем руки – гвоздям. Но какие наши кресты! Будут последние первыми сказано ведь и об очереди на Голгофу. Это как в мага-зине иногда стоит в кассу длинная очередь, прибегает второй кассир, и сразу к его кассе бегут те, кто стоял в конце очереди. Они стали первыми... Ну так и Иисус. Пока мы стоим за здоровьем и успехом, Он перебежал к кассе, за которую сел Понтий Пилат.

НАПОЛНЯЙСЬ!

**«Ведь из того, что наполняет Его, мы все получили
к благодати благодать» (Ио 1:16)**

На мой взгляд, 15 стих не просто вставка, а вставка, неудачно разрезавшая пополам «параллелизм»:

**«Полного благодати и истины,
Ведь из того, что наполняет Его,
мы все получили к благодати благодать».**

Все переводчики оставляют «полнота», а меня это не устраивает, хотя оборот «из того, что наполняет» удлинит строку и утяжелит ритм. Почему не устраивает? В современном русском языке «полнота» имеет два смысла: объем (полный человек) и целостность («полнота фактов»). Второе тут не подходит решительно. «Полнотой» в первом смысле поделиться нельзя. Но русский язык не идиот, поэтому у него есть слово «наполненность», сравнительно новое, оно-то более-менее соответствует греческому «плерома», которое тут стоит. Но и наполненностью нельзя поделиться! Когда нужно выразить то, что выражает Иоанн, мы говорим: «Хочу поделиться переполняющими меня чувствами и мыслями». Но поделиться тем, что меня наполняет, одно, а сделать другого «переполненным» совсем другое. Да Бог и не «переполнен», Он «полон», то есть, Он спокойно может не делиться, не лопнет. Делится, потому что любит.

Если вставную фразу изъять, то громоздкий оборот «того, что наполняет», можно вообще убрать, написать:

**«Полного благодати и истины,
Откуда и мы все получили к благодати благодать».**

В сегодняшнем русском православии слово «полнота» получила особое значение в обороте «полнота Церкви». Это выражение Послания к Ефессянам, где речь идет о Христе, которого Отец «поставил выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (1:23).

«Полнота» здесь, как и у Иоанна, это свойство Иисуса. Божественная наполненность, которая наполняет верующих в Бога, передается им. Но в речах апологетов казенной Церкви «полнота Церкви» стала означать совсем другое: мол, наша Церковь самая правильная, потому что в ней все нормальные христиане, потому что в ней единогласно голосуют, нет разделений и т.п. Начальники гармонично живут с подчиненными.

Всё это богословие деспотизма. Полного деспотизма. Мысль же евангельская вполне проясняется из противопоставления «наполненность/опустошенность», по-гречески «плерома/кенома». По-русски даже появился богословский термин «кенозис», но в послании к филиппинцам глагол: «экеносен». Иисус не пытался сравняться с Богом, не пытался украсть у Бога божественную природу. Он обладал этой божественностью, но «экеносен» Себя – в синодальном переводе «уничжил» (другие переводы дают «добровольно лишился», «отказался»). Наполненный божественностью вытряхнул эту божественность из Себя. Но благодать и истина остались!

С божественностью всё не слишком последовательно, потому что в Послании к колоссянам сказано, что «в теле Иисуса обитает вся полнота божества» (1:19). Но тут речь не только о божественной природе, тут целый ряд: в Иисусе полнота божества, исток всякой власти, и верующие в Христа наполнены этим; Иисус обрезан нерукотворно, лишен греха – и верующие в Христа так обрезаны, лишены греха, Иисус умер и воскрес – и верующие в Христа умерли для греха и воскресли для Бога.

Апостола не описывает Бога, апостол описывает происходящее с верующим. Иисус – станция переливания жизни, воскресения, святости, божественности. В послании к Ефессянам апостол говорит о том, что молится: пусть Иисус поселится в сердцах верующих (у Иоанна – Слово «поселилось с нами»), а верующие наполнятся полнотой Божьей (3:19) – только все-таки и тут лучше переводить не не «полнотой», а «тем, что наполняет Бога». Бог полон не Богом, Бог полон любовью и поэтому Бог есть Любовь.

«К благодати благодать» в оригинале «благодать на благодать». Я позволил себе переставить слова так, что смысл совершенно не меняется, но зато появляется переключка со следующей фразой, где говорится о законе Моисея и благодати Христа – сперва закон, потом благодать. Закон оказывается «предисловием» к «Слову», благодатью до благодати. У апостола Павла ровно тот же оборот: «мы преобразуемся от славы в славу» (2 Кор 3:18).

БЛАГОДАТЬ И ДУРНОДАТЬ

На греческом благодать (харита) анти – перед – благодати. Как у итальянцев «антипаста» – то, что едят перед пастой. То есть, и до Христа была благодать -- закон заменял благодать. Александр Тарасенко из Питера («Мирт», № 21, март 2000 г.) заметил, что и «антихрист» – не тот, кто против Христа, а тот, кто вместо Христа, кто выдает себя за Христа. Подмена. Имита.

Антихрист подменяет Христа, вытесняя Его. А Христос подменяет благодатью закон, но не вытесняет. Нет в Нем агрессии. Он готов залить собой все мало-мальски положительное. Хотя вообще закон и истина, возможно, противоположны: закон есть средство суда, истина есть отказ от суда. Христос отказывается судить.

«Не судите, да не судимы будете» -- причем не «утром стулья, вечером деньги», утром вы отказываетесь судить, а вечером я не буду судить вас. Он утром отказывается нас судить, предлагая хотя бы к вечеру пощадить других.

Нет, конечно, есть масса людей, которые просто жаждут, чтобы их судили, и готовы идти под суд, лишь бы судили и их врагов. Это анти-благодать. Это дурнодать.

Судить должно быть просто некогда.

ГЕНЕРАТОРЫ БОЖИИ

«Ведь закон через Моисея дан,

Благодать и истина через Иисуса Христа произошли»

(Ио 1:17).

«Закон» это, понятное дело, Тора. Правда, а что, собственно, понятного? «Тора» это вообще не «закон», даже не «норма», это «учение». Причём, «учение» в самом изначальном смысле, как говаривали еще в чеховские времена, «отдать в учение». Это заря человеческой истории. «Тора» упоминается в Торе – в обращении Бога к Аврааму, идет перечисление: надо соблюдать «мицва», «кука» и «тора». Синодальный перевод дает «повеления», «уставы», «законы». Можно

и «установления». В любом случае, речь идет об устной традиции, которой учил отец детей.

Впрочем, важнее всего, что устная или письменная традиция, а всё равно толкования ее различны. Говорить о том, что «для евреев тора это то-то» бессмысленно. Евреи разные. Еврей пацифист ближе к арабу пацифисту, чем к еврею милитаристу. А основываются все они на Торе, как иначе.

У Иоанна интересно другое. Во-первых, упоминание Моисея – это перекличка с евангелием от Марка, где Иисус последовательно с Моисеем сопоставляется, а на Преображение Моисей – собеседник Иисуса. Иисус выводит из рабства греху как Моисей – из рабства фараону.

Иисус больше Моисея? Очевидно, да. Для Марка и для Иоанна. Моисей мертв и не вдохновляет, Иисус жив и посылает Духа. Означает ли это, что эта фраза – полемика с иудеями? Конечно, нет. Это параллелизм, где вторая строка повторяет первую, чуть изменяя, внося новый оттенок. Закон через Моисея – прекрасно, без этого не было бы Иисуса. Благодать через Моисея была? А как же, об этом в предыдущем параллелизме: Иисус дает «к благодати благодать».

Интереснее другое: закон – дан, благодать – произошла. Это принципиальное противопоставление или синонимы? Кажется, что-то посередине. К сожалению, во многих переводах утрачивается перекличка глагола «эгенето» (который я перевожу как «происходить») с его предыдущими употреблениями в Прологе. А их много. Всего-то несколько предложений, но «эгенето» – и в ст. 3, о том, что без Слова ничто не «эгенето», и об Иоанне в ст. 6: «эгенето» Иоанн, и в ст. 10 еще раз о мире, который «эгенето». В 13 ст. верующие «эгеннетисан» от Бога – и в беседе с Никодим о рождении от Духа та же форма. Можно это перевести одним словом?

Кстати, дарвиновское «Происхождение видов» по-гречески «Генеос тон эйдон».

Здесь «произошли» ставится естественным образом, но многие русские переводы дают «открыты», «явились», «пришли».

В 13 стихе я ставлю «рожденными», как и все другие русские переводы.

В 10 стихе мир у Кузнецовой «сотворен», у Десницкого «возник», есть и «произошел», очень странно у адвентистов – «мир, обязанный Ему своим возникновением». Я ставлю «рожденными», чтобы сохра-

нить переключку со «вторым рождением». Во всех других случаях я использую глагол «существовать» и производные от него – «стало существовать», «существует». Все-таки о космосе говорить «рожден» решительно не следует. «Мир стал существовать» – а вот Иоанн не «стал существовать», а просто «существовал».

Теоретически и тут можно было бы перевести «благодать и истина стали существовать через Иисуса Христа». Но тут обнаруживается существенная разница: «стал существовать» означает, что раньше мир не существовал. «Произошли» может это означать, но может означать и явление чего-то уже существовавшего, приход этого к людям, «явление». В этом смысле перевод «явились через Иисуса» разумен. Но переключка утрачивается, а хочется ее сохранить – и возможность есть. «Произошли от Иисуса» означало бы, что до Иисуса истины не было, а вот «произошли через Иисуса» как раз указывают на то, что были, но – явлены людям именно через Христа. Что значит «явлены»? Вот «закон» – он сочинен? Нет, закон был и до Моисея, закон это часть космоса, творения, это принцип устройства бытия. Но «дан» закон – через Моисея. И не только через него. Как истина – через Иисуса. И не только.

Главное не то, что и до Иисуса была истина, помимо Иисуса происходят вновь и вновь благодать и истина в мир через самых разных людей, а то, что верующие в Христа – через них (через нас!) тоже генерируются и благодать, и истина. Ну, конечно, как любой генератор что-то генерирует, потому что в нем кое-что действует, так и верующий – в нем (во мне, в каждом) действует Дух Божий. Хотя, конечно, генераторы разные бывают... «Генерирует генератор не генераторное, надо генератор регенерировать, перевыгенерировать»... Боже, регенерируй меня, пожалуйста!

ИИСУС РОДИЛ!

Очевидно противопоставление закона и благодати с истиной, Моисея и Христа. Неочевидно, а есть другое противопоставление: «дан» и «произошли».

Русское «произошли» – пример очень хорошего перевода, потому что «произошёл» можно сказать и о человеке («происходил из знатного рода»), а на греческом тут «эгэнето» – от того же корня, что «гены», «генетика». Так что лучше «произошли», чем «явлены», как в переводе Кузнецовой.

Евангелие от Матфея начинается словами «Книга происхождения», «Библос генесеос», что там как раз передано одним словом «Родословие». А вот Бытие начинается словом «творение».

«Даётся» неодоушевлённое, бездушное. «Происходит» – это уже почти «рождается». Благодать и истина – живые. Моисей – посредник, почтальон, курьер. Иисус – акушер, роженица, а пожалуй и отец. Он рождает благодать и истину как «Исаак роди Исава и Иакова».

Нужно ли говорить, что любая попытка отождествить закон с «еврейством», а благодать и истину с «европейством» есть логика законничества, а не благодатности? Нужно, пока данные генетики ещё не поняты людьми, пока ещё люди не осознали, что «этническое», «национальное» – фикции, условности? Так по науке, а по вере ещё хлеще – вера в существование этнического и национального это грех, самообман и обман других людей. Весь Христос об этом. В нём ни элина, ни иудея, в Нём лишь одна генная последовательность – благодать и истина.

Различие «дано» и «рождено» даже важнее различия закона и благодати. Закон, истина и благодать – ровно то же, что «путь, истина и жизнь» (Ио 14, 6). Закон – как дорога. Можно ли «следовать за Христом» по бездорожью? Ну-ну... Пробовать можно, в России... Эх! Всё пошутил Пушкин про то, что в России главная беда дураки и дороги. Дураков нет – есть солдатчина, хищная и беспощадная, дорог тоже нет – есть бездорожье. Иисус ходил по воде, но не по грязи, пришёл «исполнить Закон» – довести трассу до конечного пункта. Да что там «исполнить» – Иисус, между прочим, Судья... довольно важная, мягко говоря, фигура в законодательном процессе.

Да, возможно законничество – когда благодать и истину превращают в своих пленников, ведут их за собой как римляне в триумфальных процессиях вели иудеев, тащили золотую утварь Храма Соломонова. Возможно и «христианство» – когда закон не отменяют, когда узкий путь остаётся узким путём, но уозсть разная бывает. Бывает уозсть мировосприятия и уозсть оцезивания комаров со свининой,

а бывает узость лазерного луча, узость луча света в тёмном царстве. Всё бывает – кроме возможности доказать, где какая узость. Потому что где доказательства – там нет благодати и истины. Так что вечный риск, – и слава Богу, потому что вечный риск есть побуждает вечно общаться с людьми и Богом, а это и есть вечная жизнь.

ОПИСЬ ИЛИ ОПИСАНИЕ?

**«Бога никто никогда не видел, –
Единственный Бог, находящийся в глубине Отца, описал Его»
(Ио 1:18)**

Образ в этом предложении крайне простой и выразительный: Бог невидим, Иисус в Боге как ребенок в матке («колпон»), о Боге рассказал.

Слова «сын» в этой фразе нет напрочь. Только еп. Каспиан Безобразие посмел это передать: «Бога никто не видел никогда: Единородный Бог, сущий в лоне Отца, Он открыл».

Но еп. Кассиан, как и Десницкий, и многие другие, дает «единородный», хотя все-таки «единственный».

Конечно, писать «матка» невозможно. Пишут «в лоне», «в недре». Совершенно неверный перевод у Кузнецовой: «пребывающий рядом с Отцом». Но «рядом» это не «внутри». Некоторый оттенок «внутри» появляется у Десницкого: «которого обнимает Отец», но все-таки это не перевод, а переложение. Адвентисты: «У самого сердца». Тут вообще непонятно – снаружи, у груди, или внутри грудной клетки? По Иоанну должно быть «внутри», ну что поделаешь!

Я ставлю «в глубине». В конце концов, матка тоже в глубине.

Что до «описал», то в оригинале глагол, который может означать «вести вперед», а может означать просто «рассказал». В Новом Завете это слово один раз у Иоанна и пять раз у Луки, и у Луки оно всегда означает «рассказать». Я ставлю «описал», потому что смысл тот же, но «описал» несет в себе оттенок именно изображения чего-то, что говорящий видел, а слушающий не видел и не видит. «Открыл», «явил» – это намного более сильное действие, это означает дать ви-

деть. Нет, Иисус не дал нам видеть Бога, Иисус – описал. Описал словами, описал Своей жизнью, смертью и воскресением. «Открыл» – это как Колумб Америку, приезжай, кто может, Колумб Америку открыл и помер, но и без Колумба теперь Америка доступна. А Бог без Иисуса не открыт и помимо Него не стал явным.

Остается одно маленькое обстоятельство. Всегда может найтись человек, который перенесет ударение в слове «описал» на второй слог и зальется счастливым смехом. Ну, чем бы дитя ни тешилось! В крайнем случае, можно и «рассказ о Нем». Но зачем рассчитывать на худшее? Ну, научился человек читать, но читает пока не без труда, с ударениями в ладах, так научится же., Бог даст.

«Явил» кажется лучше, чем «описал». «Явил» – значит, человек отдернул занавес так, чтобы я увидел находящееся за занавесом. Или человек показал мне фотографию какой-то девушки, а не стал описывать ее лицо. Фотография же лучше?

Фотография лучше для того, чтобы найти девушку и посадить в тюрьму.

Полюбить по фотографии? Ну, наверное, можно, человек на многое способен, но все-таки не нужно любить по фотографии. Эротика – это пожалуйста...

Если я покажу фотографию любимого человека, никто не поймет, кто этот человек на самом деле. В чем его красота, величие, ум, доброта... Вот если я попробую описать любимого человека... Ну, тут всё зависит от моего умения описывать. На многое рассчитывать не приходится.

Иисус не предъявил Бога, а именно описал Бога. Собой описал. Это описание не годится, чтобы арестовать Бога и отправить в тюрьму... Хотя, впрочем, кто отправил Иисуса в тюрьму, тот ведь Бога в тюрьму отправил... Кто не оставил Его в тюрьме, тот Бога не оставил... Накормил голодного – Бога накормил, вот оно, «описание». Бог – голодный? Бог – с голодным.

Бессмертие норовит составить опись Бога. Да и людей тоже. Инвентарный список. Первое: невидимый. Второе: всемогущий. Третье: непознаваемый... Потом суммируем, получается сумма теологии. Теология есть, а Бога нет. Между тем, Иисус – не опись Бога, а описание Бога, описание, в котором Описывающий совпадает с Описываемым.

УРАВНЕНИЕ ХРИСТА

В одних древних рукописях (папирусах второго века) Иисус назван в этой фразе Богом, в других, более поздних (четвертый век) – Сыном. Забавно, но «Сыном» могли назвать Иисуса и те, кто видел в Нем только человека, и те, кто видел в Нем Богочеловека (ведь Он назван «единородным Сыном» Бога). В реальной жизни мы судим очень о многих людях -- даже о большинстве – по их сыновьям. Я не знаком с Рюриком, а вот с парой Рюриковичей знаком. О моем отце судят, увы, по мне. Иисус подбадривает: кто видел Меня, тот видел Отца. Другое дело, что Он говорил это тем, кто и так уже верил в Единого Небесного Отца.

Может быть, все люди сегодня делятся на тех, кто сперва открывает для себя Христа, а потом уже Бога -- Отца, которого не распять, который неопишум – и на тех, кто сперва открывает для себя Творца, многие годы живет с этой верой, пусть даже именуется христианином, и лишь постепенно понимает, насколько Иисус отличен от Отца, отличен для меня.

Иисус «явил» Отца, которого никто никогда не видел. По-гречески «явил» -- «экзегесато» – отсюда слово «экзегетика», «прояснение», «изъявление» Библии (и та же приставка «экзо» в названии химических реакций). Вообще-то глагол означает буквально «изводить», «выводить». Иисус вывел людей к Богу – или Иисус вывел Бога к людям? Вопрос, имеющий значение лишь в очень иерархической системе координат, при которой важно, кто кому навстречу подымается. Иисус вывел – как математик выводит уравнение. Было неравное – и уравнилось. Скольких людей почитали великими, героями, полубогами за то, что они сравнивали с землей десятки городов... Иисус сравнял землю с Небом.